

ЭММА СКОТТ

ВЫШЕ
ТОЛЬКО
ЛЮБОВЬ

18+

В этих словах
спрятано его сердце...

Эмма Скотт
Выше только любовь
Серия «Freedom. Романтическая
проза ЭММЫ СКОТТ»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67858311

Эксмо;
ISBN 978-5-04-170959-4

Аннотация

НАТАЛИ

Слова и фразы из книг Рафаэля Мендона, известного писателя, впились ей в душу. Она была влюблена в его истории. Романы стали утешением Натали после утраты родителей, а персонажи – лучшей компанией в минуты одиночества.

Девушке казалось, что этого достаточно. Но однажды она встречает наяву героя своих грез...

ДЖУЛИАН

Каждый вечер он заходит в ее кафе и что-то пишет в тетрадах. Мимолетные улыбки, пара фраз, и на этом все. Но странную боль в сердце все сложнее объяснить. Джулиану кажется, что теперь все его истории написаны для нее. Или же он просто до безумия влюбился. Но раскрыть ей свой секрет – не то же самое, что

позволить чувствам взять верх. Открыть свое сердце подобно смерти, пути назад нет.

Их связь – встреча двух одиночеств и лучшее, что когда-либо с ними случилось. Но лишь одна тайна способна разлучить их навсегда и даже стать причиной гибели каждого...

Содержание

Благодарности	7
Посвящение	8
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	42
Глава 4	50
Глава 5	57
Глава 6	69
Глава 7	86
Глава 8	92
Глава 9	103
Глава 10	122
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Эмма Скотт

Выше только любовь

Emma Scott

LOVE BEYOND WORDS

© 2014 Emma Scott

Дизайн обложки и внутреннее оформление Ю. Щербакова

© Сибуль А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Благодарности

Большое спасибо всем членам Clyde critique group за бесценный вклад: Сюзанне Клэр Карлсон, Эндрю МакРэ, Скотту Фризену, Сьюзан Бикфорд, Карле Кизи Роджерс, Даниэль Берггрен Вустер и Вишал Мундра. Особенная благодарность Энн Маклахлан за редакторскую (и моральную) поддержку; Элон Кайзерман за детали полицейских процедур и Эрин Томассон Кэннон за бесценную помощь в продвижении новичка по безумному миру любовного романа и за бухгалтерские/финансовые аспекты в книге, если и есть ошибки, то они все – мои. И, наконец, от всего сердца благодарю своих первых читателей за уделенное моим книгам время и честность.

Это художественное произведение. Все имена, персонажи, события и происшествия являются вымышленными. Любое совпадение с настоящими людьми, живыми или мертвыми, или реальными событиями является чисто случайным.

Предлагаем послушать «Falling in love at a Coffee Shop» Лэндона Пигга.

Посвящение

Моему мужу, чья помощь, поддержка и содействие позволили этой книге появиться на свет.

«Странно, но говорят, что всех исчезнувших видели в Сан-Франциско».

Оскар Уайльд

Глава 1

– Как тебя зовут? – спросила девушка.
Хавьер бросил камешек в ручей.
– Зачем тебе это знать?
– *Estúpido*¹, – проворчала она. – Так все и
начинается.
«Выше», Рафаэль Мелендес Мендон

В кофейне было пусто. И тихо. Натали Хьюит сидела за кассой с книгой в руке. Последнего посетителя она обслужила примерно час назад. Лучи закатного солнца проникали сквозь стекла фасадных окон, проливаясь на деревянный пол. Сегодня весь день стояла непривычно жаркая для Сан-Франциско погода, даже для июля. Очевидно, живущие или

¹ Глупый (исп.).

работающие в этом районе клиенты отправились в парк «Золотые ворота» наслаждаться погодой. Даже улица выглядела безлюдной, не считая время от времени с визгом проносящихся мимо поездов Муни².

Внутри кофейни «У Нико» царило полнейшее безмолвие, как нельзя кстати подходящее для чтения. Натали уже разложила все маффины и круассаны, подмела пол, вытерла деревянные столики и теперь могла отвлечься на книгу, не испытывая угрызений совести.

Если бы только она взяла с собой нечто более захватывающее, чем дешевый триллер. Хотя именно с помощью таких произведений девушка коротала время, пока обожаемый ею автор не выпустит новую историю. До выхода последнего романа Рафаэля Мелендеса Мендона оставалось меньше трех недель. *«Как удачно, – подумала она, – как раз к моему двадцатитрехлетию».*

От мысли о новинке закружилась голова.

Натали уже ощущала тяжесть книги Мендона в руке, слышала, как шелестят быстро переворачиваемые страницы, пока она буквально проглатывает их, словно оголодавшая. И текст... Натали задрожала от предвкушения, гадая, какой новый мир, новое убежище откроет ей писатель на этот раз, как идеально подберет слова, вызывая у нее слезы, заставляя забыть обо всем. Девушка хихикнула. Три недели казались

² San Francisco Municipal Railway (также употребляются названия SF Muni и Muni) – муниципальная железная дорога Сан-Франциско.

вечностью.

Отрывая ее от чтения, тишину нарушил звон колокольчика над дверью, и в кофейню вошел молодой человек.

Первым делом Натали обратила внимание на его глаза. Иначе было просто невозможно. Своей яркой голубизной они напоминали то ли топазы, то ли прозрачные воды Карибского моря. Наблюдая за его приближением, девушка обнаружила, что у нее перехватило дыхание. Когда она задалась вопросом о причине столь неожиданной реакции, внутренний голос прокричал: *«Почему? Да ты только взгляни на него!»*

Так Натали и поступила. А там было на что посмотреть. Крупные черные локоны прикрывали мочки ушей, спереди падая на лоб. Смуглый подбородок покрывала растительность из разряда «уже не козлиная бородка, но еще не настоящая борода». К слову, весьма популярная среди мужчин. Джинсы и кремового цвета футболка, несмотря на простой покрой, явно шились на заказ и смотрелись на нем элегантно, выгодно подчеркивая высокий рост и широкие плечи. Не считая пряди волос, прилипшей из-за жары ко лбу, молодой человек выглядел идеально. Однако, по мнению Натали, этот мелкий недостаток лишь делал его красоту менее пугающей. Как и его улыбку, которая, естественно, оказалась ослепительной.

– Здравствуйте. Большой кофе, пожалуйста. Со льдом, – попросил незнакомец глубоким низким голосом, в котором

слышался акцент, но определить, какой именно, девушка не смогла.

Она выдавила из себя слабую улыбку. Эти глаза... неестественно голубые, словно...

– «Уиндекс»³, – пробормотала она.

– Простите, что?

Натали покраснела до корней волос.

– Ничего, – промямлила она и поспешила приготовить ему кофе.

Пока она накладывала лед в стакан, молодой человек осматривал кофейню с интересом, который Натали растеряла, проработав здесь целых три года. Лучи закатного солнца падали на простую деревянную мебель. Рядом с парадной дверью располагалось эркерное окно, возле которого стояли столик и два стула. Вид оттуда открывался на пустующую в этот час противоположную сторону улицы. Незнакомец на мгновение задержался там взглядом, но потом повернулся и смущенно улыбнулся.

«Тебе показалось, – сказала себе Натали. – Невозможно, чтобы такой красивый парень смущался. Это из области фантастики».

– Один доллар пятьдесят пять центов, пожалуйста, – объявила она, ставя на стойку кофе со льдом в высоком стеклянном стакане.

– Ох, извините, но он мне нужен с собой, – произнес мо-

³ Windex (англ.) – стеклоочиститель голубого цвета.

лодой человек. – Прощу прощения, нужно было предупредить.

– Нет-нет, это моя вина. Мне следовало спросить.

Натали достала чистый пластиковый стаканчик и перелила напиток в него.

– Я и не подозревал, что кофе еще подают в настоящих чашках или стаканах.

– В большинстве заведений нет, но Нико, мой босс, считает, что грубо подавать напитки в пластиковых стаканах на вынос, если клиент не собирается уходить. – Натали взглянула на незнакомца. – Он хочет, чтобы люди чувствовали, что им рады и... эээ... приглашают их остаться.

– Мне это нравится. – Молодой человек снова улыбнулся, на этот раз шире, и от его лучезарной улыбки у Натали екнуло сердце. – Спасибо, – проговорил он, кладя на стойку два доллара.

– Не за что.

Она отсчитала сдачу и вложила ее в руку незнакомца. На мгновение их пальцы соприкоснулись, как часто бывало и с другими покупателями. Но, в отличие от тех случаев, кончики пальцев Натали покалывало от тепла его кожи даже после того, как он бросил монету в банку для чаевых. *«Ты ведешь себя глупо, – пожурила девушка саму себя. – Да, он красивый, но лучше уймись».* Правда, незнакомец был больше, чем просто красив, но это все равно не объясняло ее странное томление. Смутное желание... чего? Пообщаться с ним?

Коснуться его?

Впрочем, он уже уходил.

– Ладно, – парень поднял свой стаканчик, – еще раз спасибо.

– Всегда пожалуйста, – ответила Натали. «*Останься...*»

Он начал отворачиваться, но потом замер.

– Знаете...

– Да? – Девушка поморщилась от того, как звонко и напряженно прозвучал ее голос.

– Думаю, стоит взять еще что-нибудь поесть. Посоветуете что-то?

Натали юркнула за витрину.

– Банановые маффины вкусные. И у нас остался тыквенный хлеб. Что... эээ, чего бы вам хотелось? – Их взгляды встретились через стекло, и в поисках спасения Натали обратилась к круассанам. – Они тоже ничего. Свежие.

– Да, давайте. Спасибо.

– Не за что, – повторила Натали, про себя отметив, что незнакомец благодарит ее уже в третий раз. Сложив выпечку в пакетик, девушка отправилась ее оформлять.

– Кстати, меня зовут Джулиан.

Натали моргнула.

– Я... хорошо.

– Джулиан Ковач. – Молодой человек смущенно прочистил горло.

– Ах да, конечно. – «*Он просто вежливый*», – мысленно

пнула она себя. – Натали Хьюит.

– Приятно познакомиться, Натали.

– И мне, – пробормотала она, и ее слова заглушил звон кассы.

– Прости?

– Я сказала: «И мне тоже». То есть мне тоже приятно с тобой познакомиться. – Обычно посетители ей не представлялись. Натали прикусила губу, подбирая слова. – Ты русский? – неожиданно выпалила она.

– Русский? А! Ты про...

– Фамилию. Ну, она вроде похожа на русскую.

– Вообще-то хорватская.

Молодой человек не походил на выходца из Восточной Европы, да и акцент скорее был испанским или итальянским. Естественно, Натали не стала озвучивать свои умозаключения, вместо этого попыталась придумать, что еще сказать.

– Все нормально. Так часто бывает. Распространенная ошибка, – пояснил Джулиан.

Натали всплеснула руками.

– Ничего страшного. Я хотела сказать... красивая фамилия. – Если бы под ногами разверзлась земля и поглотила ее, девушка посчитала бы это милосердным исходом.

Джулиан снова улыбнулся, выглядя при этом не просто привлекательным или симпатичным, а по-настоящему красивым. Натали нехотя отдала ему пакет с круассанами.

– Точно, ну... спасибо. – Он смущенно улыбнулся. – Сно-

ва.

– Пожалуйста.

Их взгляды встретились, и улыбка молодого человека смягчилась, стала чуть ли не мечтательной.

– Ладно. Пока, Натали.

– Пока, Джулиан. – Ей нравилось, как звучит его имя: красивое, сексуальное и идеально ему подходящее.

– Хорошего вечера, – пожелал Джулиан.

– И тебе.

Натали попыталась побороть природную застенчивость и что-то сказать или просто набраться храбрости и окликнуть парня, а потом посмотреть, что будет дальше. Она наклонилась вперед, открыла рот, но... он уже ушел. Звон колокольчика над дверью сообщил ей об этом. Девушка, не отрывая взгляда, пронаблюдала, как Джулиан пересекает улицу. Однако мимо пронесся автобус, скрыв парня от ее глаз, а когда он уехал, то вместе с ним исчез и Джулиан. Растворился, словно привидение или мираж.

– Возможно, так оно и есть, – вслух произнесла Натали, и ее слова утонули в тишине, в которую снова погрузилась кофейня.

Оставшиеся часы тянулись неимоверно долго. Ее книга не могла соперничать с воспоминаниями о мягком голосе Джулиана Ковача или о нереально голубых глазах и последней мечтательной улыбке, которой он одарил Натали.

В одиннадцать часов она выключила свет и заперла вход-

ную дверь. По пустой улице прогрехотал ночной автобус, с рычанием и визгом направляясь в ее сторону. Проследив за ним взглядом, Натали обратила внимание на уставшие лица немногочисленных пассажиров. Она же совсем не устала. На самом деле девушка чувствовала себя странно бодрой. Ее нервы гудели, словно электрические провода, крепящиеся к троллейбусам сверху и не дающие сойти с маршрута. Она потерла пальцы о платье, представляя, что все еще ощущает прикосновение к руке Джулиана, и тут же пожурела себя за то, что так увлеклась незнакомцем, которого больше никогда не увидит.

От порога «У Нико» до ее входной двери было всего ничего, ведь Натали жила прямо над кофейней. Она отперла белые металлические ворота перед ведущей в ее квартиру лестницей и вошла в темный душный подъезд. Туфли глухо застучали по старым ступеням.

Отворив входную дверь, Натали включила свет в прихожей. Ее спальня, в которой хватало места только для кровати, шкафа и ночного столика, находилась прямо перед входом и благодаря задернутым шторам оставалась темной. Справа от входа, освещенная уличными фонарями, располагалась остальная часть ее квартиры: гостиная, кухня и ванная в дальнем конце. Натали специально скудно обставила свое жилище, чтобы не захламлять мебелью свободное пространство, однако теперь его грозили поглотить книги. Всю стену перед диваном занимали книжные полки. Стопки то-

мов в твердых обложках, которым не хватило на них места, стояли на пороге кухни, а башни из романов в мягких обложках окружали стол у окна. Но девушка даже представить не могла, как избавиться хоть от одного из них, даже от тех, которые перечитала много раз. *Особенно* от них.

Натали протиснулась между диваном и кофейным столиком, проскользнула мимо единственного потрепанного кресла и встала у арочного окна с видом на улицу. Уже начав задергивать тяжелые плотные шторы, которые повесила, когда переехала сюда три года назад, она замерла. Сжимая в руке шероховатую ткань, вспомнила разговор с Джулианом Ковачем.

Мысленно Натали правила его, словно сценарий, сглаживая все неловкие моменты, переиначивая каждую сомнительную фразу диалога. Девушка в ее мечтах излучала шарм и уверенность, блистала остроумием и абсолютно не нервничала. Их общение подошло к концу не когда парень вышел за дверь, а когда они обменялись телефонными номерами. А потом было свидание. Темно-красное платье Натали закручивалось вокруг колен, когда в темноте маленького клуба они с Джулианом танцевали свинг, ее любимый танец.

Она игриво улыбалась парню поверх коктейля, и тут внезапно зазвонил телефон, вырывая девушку из мира грез. Сработал автоответчик, и на нее хлынул поток претензий от Либерти Честейн.

– Нат, это Либ. Ты же в курсе, что я думаю по поводу

твоего древнего автоответчика. Я слышу эхо своего голоса и злюсь, что не вижу собеседника. Конечно, возможно, что ты еще на работе, но скорее всего, уткнулась носом в очередную книгу и не отвлечешься, чтобы поговорить с живым человеком. Ну и ладно. Сегодня вторник, так что разрешаю. Но завтра у меня шоу в «Кайри», и ты должна прийти, потому что не посещала мои выступления уже целую вечность. А еще я соскучилась по тебе, глупышка, понятно? Я знаю, в среду у тебя выходной, поэтому не нужно мне вешать лапшу на уши про то, что ты работаешь. Принарядись, и жду тебя к девяти. Придет Маршалл, потому что он понимает истинное значение дружбы. Если ты не явишься, я сочту себя брошенной и утону в слезах. Ты все поняла? Увидимся. Чмоки-чмоки.

Натали задернула шторы и опустилась на потертый диван. Она планировала провести завтрашний день, заканчивая курсовую работу в университете. А еще с нетерпением ждала возможности устроиться «с очередной книгой» в качестве награды за завершение летнего семестра. Остался всего лишь год, и Натали получит диплом бухгалтера – подвиг, свершить который она даже не мечтала, учитывая обстоятельства.

Натали включила лампу рядом с диваном и открыла старый телефон-раскладушку, чтобы позвонить Либерти. А потом с облегчением вздохнула, когда включилась голосовая почта.

– Либ? Это Нат, я приду. Ни за что не пропущу.

Она завершила звонок, радуясь, что удалось избежать разговора. Самолюбие Натали продолжало страдать из-за неудачной попытки пообщаться с Джулианом Ковачем. К тому же порой ей не хотелось болтать, а такие экстраверты-актеры, как Либерти, этого просто не понимали. Неожиданно в голове Натали раздался голос, очень похожий на голос ее общительной подруги: *«Может, если бы ты больше практиковалась, то произвела бы лучшее впечатление на Джулиана»*.

Отбросив эту мысль, девушка обратила взор на кофейный столик, на котором лежал «Обыкновенный вор» Рафаэля Мелендеса Мендона, так и маня ее. Она перечитывала эту историю четыре раза, но решила подготовиться к новому роману, еще раз пролистав предыдущий. Натали до безумия хотелось взять небольшой томик и погрузиться в повествование, особенно учитывая, что, несмотря на планы, завтра у нее это сделать не получится.

Девушка подавила раздражение. Если она пропустит еще одно кабаре-шоу подруги, то в конечном итоге телефон перестанет звонить. *«Нужно идти. Либерти и Маршалл – все, что у тебя осталось»*.

Против воли ее взгляд метнулся к фотографии на полке. Мужчина, женщина и их тринадцатилетняя дочь были запечатлены на фоне гор с остроконечными пиками. Рядом стояло нечто похожее на телеграфный столб, но на самом деле бывшее горнолыжным подъемником. Все трое едва заметно

улыбались.

Сразу вспомнилось, что это был сложный день, полный переживаний из-за попыток впервые встать на лыжи. Однако этот снимок нравился Натали гораздо больше, чем любое из фото со счастливыми лицами, наполнявших ее альбомы. Легко помнить родителей добрыми и любящими. Уже не так просто – и с каждым днем лишь сложнее – вспомнить мелкие детали их совместной жизни. Некоторая натянутость, запечатленная в кадре, была бесценной, ведь ее родители выглядели живыми людьми, а не постоянно улыбающимися призраками. И пусть на снимке Натали казалась обычным насупившимся подростком, обычно она такой не была. Она была счастлива и с тех пор, как научилась разговаривать, каждый день повторяла родителям, что любит их.

Натали говорила им это и в тот день, когда они поехали кататься на лыжах, и в то утро четыре года назад, когда пьяный водитель врезался в фермерский рынок, разбросав людей, словно кегли в боулинге. Кертис и Тэмми Хьюит погибли на месте. Идеальный страйк. Натали отошла от них, чтобы купить стручковую фасоль у знакомого продавца. Она услышала крики, визг шин... Воспоминания о том дне разлетелись на миллионы кусочков, собираясь воедино только в ее кошмарах.

И сейчас они вернулись к Натали, разрозненные, но стремящиеся собраться в единое целое. В панике она отключила телефон и взяла «Обыкновенного вора». На короткое мгно-

вение вцепилась в книгу, как утопающий в спасательный круг, а потом с головой окунулась в историю.

Только спустя главу красота повествования Мендона совершила чудо и, словно бальзам, успокоила ее боль. Часы показывали два ночи, когда она наконец заставила себя закрыть роман. Девушка скользнула в постель, опасаясь снов, но история Мендона продолжала действовать: Натали спала без сновидений.

Глава 2

Насилу заставив себя подняться на следующее утро, Натали испытала чувство вины за то, что допоздна засиделась над книгой Мендона. В глаза будто песка насыпали, челюсть сводило от зевоты, и девушка мечтала вернуться в постель и поспать еще хотя бы пару часов. Поборов искушение, она отправилась готовить кофе. Конечно, она могла бы взять любой в «У Нико», но девушке хотелось сбежать оттуда прежде, чем греческие работодатели успеют задушить ее своей заботой.

Пока заваривался кофе, она приняла душ и надела один из многих винтажных нарядов середины прошлого века, наполнявших ее небольшой гардероб. Натали перерыла немало секунд-хендов, подыскивая их. А сейчас застегнула простое голубое хлопчатобумажное платье, убрала волосы от лица и сложила в сумку учебники по бухгалтерскому учету. Три быстрых глотка кофе, и вот она уже идет к двери. «Обыкновенный вор» остался лежать на кофейном столике.

«Прощай, любовь моя, – подумала Натали, – ты был великолепен прошлой ночью». С ее губ сорвался смущенный смешок, и она вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

Утро «У Нико» выглядело абсолютно иначе: здесь было многолюдно, шумно, все вокруг болтали, булькало закипающее молоко, то и дело раздавались взрывы смеха и звон кассового аппарата. Однако громче всех был Нико Барбос. Его раскатистый голос гремел на все помещение, когда мужчина разговаривал или обменивался шутками с посетителями и двумя бариста, работавшими в дневную смену. Фартук свисал с его костлявых плеч, а черные с проседью волосы тор-

чали во все стороны. Натали с нежностью подумала, что он больше походит на безумного ученого, чем на владельца кофейни.

– Наталия! – раскинув руки, направился в ее сторону Нико. И не успела девушка достичь середины зала, как оказалась в его крепких объятиях. – Моя маленькая ночная со-
вушка. Ты пришла за расписанием, да?

– Да.

– Петра! – позвал Нико, когда они подошли к стойке. – Наталия хочет взглянуть на расписание.

Бариста Сильвия и Марго приветственно помахали ей. Сильвия, светловолосая девушка с теплой улыбкой, от всего сердца поблагодарила Натали за то, что та почистила сетку под мороженицей.

– Ты же знаешь, что я собиралась сделать это сегодня, – весело пожурела она.

Натали убрала локон за ухо.

– Э, да, но... у меня было время. У вас намного больше работы.

– Работы? Да, давайте поговорим о работе, – раздался грудной голос появившейся из задней комнаты Петры Барбос. Складки кожи под мышками затряслись, когда она взмахнула листком бумаги. – Вот твое расписание, *glýka*⁴. Никаких изменений, но сообщи мне, если тебе сложно одной. Слишком много работы, – она вскинула бровь, – или

⁴ Милая (греч.).

слишком опасно. Тебя ведь никто не беспокоит?

– Да, то есть нет. Никто меня не беспокоит, – ответила Натали. – И нет, не так много у меня работы, чтобы понадобилась помощь.

Она быстро улыбнулась Сильвии и Марго. Те не раз звали ее пойти с ними в кино или выпить, но Натали всегда отказывалась. В другой жизни они могли бы стать подругами, но девушка держалась на расстоянии. Она переживала, что Нико заметит их симпатию и решит поставить ей в смену еще одного бариста, а об этом даже думать было страшно.

Натали улыбнулась еще шире.

– Мне не нужна помощь. В мою смену гораздо спокойнее, чем утром, но заказы есть постоянно.

– Я вижу, – просиял Нико. – Твои отчеты, как всегда, идеальны! И раз уж заговорили о цифрах, как твоя учеба? Усердно занимаешься? Уверен, это так, моя умница. – Он потрепал ее по щеке. – На следующей неделе конец месяца. Поможешь мне снова с отчетностью, ладно?

Натали с тоской глянула на расписание, все еще зажатое в руке Петры.

– Да, конечно.

– Отлично! А теперь поешь. Пойдем.

– Ох, прекрати, Нико, посмотри на девочку. Ей не терпится уйти. – Петра передала расписание. – Пора на занятия?

– Да, я собиралась в университет. Последний день летних курсов. – Натали удовлетворило расписание. Все осталось

по-прежнему. Пять смен с четырех часов дня до закрытия, среды и воскресенья – выходные. Она убрала листок в сумку. – Отлично, спасибо. Э... пока.

Она выскользнула из кофейни, к счастью, избежав очередных отеческих объятий Нико. Но, когда уходила, словно дуновение теплого ветерка, девушка спиной ощущала их с Петрой любовь. Она поспешила в аномальную даже для лета жару, которая стала казаться теперь гораздо терпимее.

Натали провела несколько часов в библиотеке университета Сан-Франциско, работая над заполнением налоговых деклараций для воображаемых клиентов. В летние месяцы в библиотеке было тихо, она не встретила никого со своего курса, и никто с ней не разговаривал. Девушка работала уверенно, испытывая удовлетворение, когда полученные цифры складывались в аккуратные ряды. Потом она на старом ноутбуке «подала» налоговые документы в университетскую программу-симулятор и, положив подбородок на ладони, улыбнулась, когда их «приняли» без замечаний.

Еще одна отличная оценка, еще один шаг на пути к вы-

пуску. Натали решила, что родители гордились бы ею.

Клуб «Кайри» представлял собой крошечное помещение под огромным баром с названием «Де Люкс». Во времена сухого закона здесь продавали алкоголь, поэтому владельцы гордились этой репутацией и старались ее поддерживать. Натали, вооруженная паролем, который ей дала Либерти, подошла к жуликоватому на вид вышибале в переулке рядом с «Де Люксом».

Она показала ему свои документы и пробормотала:

– Вельветин.

– Благодарю, крошка.

Вышибала придержал для нее дверь, ведущую на уходящую вниз лестницу. На своих невысоких каблуках Натали осторожно спустилась в небольшой зал, окрашенный в перламутрово-розовый цвет и освещенный причудливыми бра на стенах. Перед крошечной сценой располагалось двадцать маленьких столиков, покрытых кружевными скатертями. В центре каждого горела кандела. Туда-сюда сновала пара официанток, предлагая напитки. Здесь царила атмосфера

тайнственности, от каждого посетителя так и веяло ощущением превосходства из-за того, что он знал о существовании «Кайри» или участвовал в чем-то недозволенном. Насколько было известно Натали, ничего незаконного в «Кайри» не происходило, не считая разрешения курить, хотя штат уже давно запретил это дело в общественных местах. В центре первого ряда девушка заметила Маршалла Гранта – широкоплечего, рыжеволосого, элегантного красавца в дорогом костюме – и поспешила к нему.

– Она явилась! – воскликнул Маршалл. – А я уже думал, ты меня бросишь.

– Ни за что. – Она поцеловала друга в щеку и внимательно осмотрела его с ног до головы. – Почему в костюме? Ты только с работы?

– О, милая, не спрашивай. – Маршалл махнул рукой. – У этих ублюдков нет понятия о приличиях. Нас задержали, чтобы разобраться с какой-то ерундой в счетах Каслманов. И всей этой суматохи можно было бы избежать, если бы они поступили, как я советовал, и проверили счета леди и лорда Каслман еще два года назад. Тебе бы понравилось. Но Либерти оторвала бы мне яйца, если бы я опоздал, поэтому вот он я в этом скафандре. – Он глотнул из бокала – как обычно, джин с тоником – и взглянул на нее. – Но ты только посмотри на себя, мисс Клепальщица!⁵ Мы что, попали в прошлое? Ты одета, словно сейчас сорок пятый год! Кажется, мне гро-

⁵ Аллюзия на картину Нормана Роквелла «Клепальщица Розы».

зит призыв в армию. Но, если серьезно, мне нравится твоя прическа.

Натали просияла. Она только на прошлой неделе откопала это платье среди кучи других на вешалке в винтажном магазине, и это оказался тройной выигрыш: оно идеально село на ее миниатюрную фигурку, стоило сорок долларов, и никто его еще не нашел. Бледно-желтое с узором из фиолетовых цветов, струящейся юбкой и пуговицами до самого воротника, платье было пошито в классическом стиле сороковых. Натали подобрала волосы и заколола их так, что теперь они ниспадали на плечи густыми каштановыми локонами. Немного черной подводки и красной помады, и она улыбнулась своему отражению в зеркале ванной. Исчезла простая, ничем не примечательная студентка экономического факультета, а вместо нее появился некто из другого времени. Времени, когда мужчины вели себя как истинные джентльмены, а молчание дамы воспринималось как таинственность и особое очарование. Натали выглядела гламурной и потому позволила себе чувствовать себя таковой. Когда мимо прошла официантка, девушка заказала «Харви Волбенгер»⁶.

– Ты так и светишься сегодня! – промурлыкал Маршалл. – Что случилось?

– О, ничего. – Мысли Натали обратились к Джулиану Ковачу. – Ничего, – повторила она, но улыбка угасла, потому

⁶ «Харви Волбенгер» (*англ.* Harvey Wallbanger – Харви Стенобой) – алкогольный коктейль на основе водки, ликера Galliano и апельсинового сока.

что в действительности в тот день между ней и Джулианом ничего не произошло. И из-за того, что она, как всегда, молча позволила парню выйти за дверь, ничего и не произойдет.

– Ну, если и так счастлива, то просто взорвешься, когда я заранее вручу тебе подарок на день рождения. – Маршалл похлопал по неприметной сумке у ног.

– Что это?

– Подожди, начинается шоу. – Свет приглушили, и негромкие разговоры вокруг смолкли. – Достаточно сказать, что, будь я гетеросексуалом, сегодня мне бы точно обломилось.

– Мечтай, – ухмыльнулась Натали.

Когда они встретились, Маршалл учился на той же специальности, только на два курса старше нее. Их пути регулярно пересекались, они даже вместе посещали несколько предметов, прежде чем он выпустился в прошлом году. Натали думала, что теперь они пойдут каждый своей дорогой, но парень настоял на продолжении дружбы. Кроме того, через Маршалла она познакомилась с Либерти. И именно в такие моменты, в темноте небольшого клуба, сидя в красивом платье и попивая коктейль, Натали испытывала искреннюю признательность судьбе за то, что та подарила ей таких друзей. Только благодаря душевной чистоте и внутренней силе этих двоих она могла считать их таковыми, потому что дай Натали волю, и они бы уже давно бросили ее. Оба имели массу друзей, и ее поражало, что они приняли простую застен-

чивую девушку под свои разноцветные крылья.

На сцене отсутствовал занавес, но вспыхнул небольшой круг света, и откуда-то сбоку в него шагнула Либерти Честейн. Она тоже оделась в стиле сороковых, но это был наряд танцовщицы захудалого ночного клуба: порванные колготки в сетку, шпильки и тонкая розовая кофта поверх черного трико. Темные волосы девушка гладко зачесала назад и для пущего эффекта затемнила один глаз. Позади нее три танцовщицы в похожих костюмах приняли томные, трагические позы. Никто не объявил номер, не произнес вступительных слов, просто помещение наполнили первые ноты «Mein Herr» из мюзикла «Кабаре», и Либерти начала петь.

– Она посвятила ее мне! – радостно захлопал в ладоши Маршалл. – Она моя!

Натали слабо улыбнулась. Для нее не стало неожиданностью, что подруга посвятила свое выступление Маршаллу. Ничего удивительного.

Натали показалось, что Либерти вложила в свое исполнение больше страданий и страсти, чем рассчитывали композиторы. Вместо лукавого, дерзкого прощания непостоянной женщины с мужчиной, которому стоило бы думать головой, ее интерпретация вышла скорее ироничной. Ее Салли Боулз ругала себя за очередной неудачный роман, в котором она не смогла сохранить верность. Каждая строчка была перевернута, словно бы направлена внутрь, и результат, по мнению Натали, получился поистине впечатляющим. Слишком зре-

лично для довольно скромного зала и крошечной сцены. Натали решила, что подруге пора уже прославиться. Во время последнего припева Либерти и ее подтанцовка уже топала ногами и обращались к аудитории словами песни. Небольшая толпа отвечала ревом одобрения.

– Брависсимо! – кричал в перерывах между свистом Маршалл. – Говорю вам, эта девушка далеко пойдет.

Целиком и полностью разделяющая его восторг Натали вытерла слезы, которые неизменно наворачивались на глаза из-за ярких эмоций.

На сцене Либерти поклонилась и поблагодарила зрителей.

– Так легко вам от меня не избавиться. Позвольте смочить горло, и я вернусь.

Под бурные аплодисменты она с танцорами покинула сцену. Свет снова включили, и посетители вернулись к разговорам, курению и выпивке. Через несколько минут появилась Либерти в кимоно поверх костюма Салли Боулз и с коктейлем в руке. Она остановилась поболтать со знакомыми за одним из столиков, а потом наконец упала на стул рядом с Маршаллом.

– Привет, мои дорогие! – рассмеялась она, целуя Натали в щеку. Маршалл тоже потянулся за поцелуем, но Либерти ухмыльнулась и оглядела его костюм. – Кто-то умер?

– Диско, и я все еще горюю.

Она потрепала его по щеке, а потом ущипнула.

– Что, без поцелуя? – простонал он.

– Переживешь. Итак, – Либерти зажгла сигарету и выдохнула дым, а потом повернулась к Натали, – что думаешь? Я очень рада, что ты пришла!

– Я тоже, – отозвалась Натали. – Потрясающий номер. Ты безумно талантлива, Либ.

– Спасибо, дорогая, – просияла подруга. А затем повернулась к Маршаллу: – Ну?

– Чистая магия, дорогая.

– Спасибо, милый, – ответила она. – Подожди, тебя еще ждет финал.

– Не срази всех наповал, пока я не вернусь из комнаты для мальчиков. – Маршалл поднялся на ноги. – И если увидите официантку, то передайте ей, что я хочу другой джин с тоником, а не как *вчера*.

– Да, дорогой, – сказала Либерти.

– «Сапфир», – добавил Маршалл, – а не то дерьмо.

– Настоящая дива.

Провожая его взглядом, пока парень грациозно скользил между столами, Либерти выпустила из носа двойную струйку дыма.

Натали одарила ее понимающим взглядом.

– Либерти.

– Да-да, я жалкая. Знаю.

– Но он такой... – Натали развела руками, не найдя слов.

– Я в курсе, поняла? Это бессмысленно. Каждый раз, когда открывает рот и из него вырывается что-то эмоциональ-

ное, он явно показывает, насколько недоступным является. – Либерти бросила сигарету в стакан из-под коктейля Маршалла. Та зашипела, угодив в кубик льда. – Но есть ли в том моя вина? Он высокий, красивый, умный и забавный. Он практически живет в спортзале и зарабатывает кучу денег. – Она поморщилась. – Я не влюблена в Маршалла. Просто хочу себе точно такого же мужчину.

Натали улыбнулась подруге.

– Возможно, ты нашла бы соответствующего этим критериям мужчину, если бы не встречалась с Маршаллом каждый вечер.

Либерти фыркнула.

– И это говорит женщина, которая не спала ни с кем с... не знаю, никогда?

– Нет, – щеки Натали запылали, – однажды. Я рассказывала тебе про него.

– О да, – вспомнила Либерти, – блондинистый никто, с которым ты переспала во время путешествия сюда.

То, что Либерти окрестила путешествием, Натали называла побегом, миграцией после смерти родителей из Сан-Диего на север. Молодой человек, с которым она познакомилась в Санта Барбаре, пах песком с пляжа и лосьоном от солнца, но вел себя мило и внимательно. Не ее романтический идеал, но где такого найти? Друзья уверяли, что Натали встретит кого-то, если постарается, ей это было известно и без них. Она ходила с ними в бары и клубы ради дружбы, а

не пьяного флирта с незнакомцами в надежде найти негранный алмаз с сердцем поэта. Шансы, что это произойдет, считала она, стремились к нулю. Поэтому персонажи ее книг – лучшая компания.

Натали опустила взгляд на напиток.

– Милая, я дразню тебя. – Либерти выпила коктейль и посмотрела на оставшиеся кубики льда. – Ты влюблена в мужчин, которые существуют только в книгах, а я в мужчину, который существует только в моей голове. Мы обе одинаково жалкие.

Натали собиралась возразить, но Либерти практически озвучила вслух ее мысли. И в любом случае она не могла ругать подругу из-за Маршалла. Прошлый парень Либерти был «слишком грубым». Описывала она его только так и только это позволяла говорить другим, не грозя откусить им головы. Маршалл же был милым. Добрым. Джентльменом.

«Он безопасный вариант, – подумала Натали, наблюдая, как друг шагает к ним. – А именно это и нужно сейчас Либерти». Она постаралась не показывать подруге, что переживает за нее, иначе Либерти на нее обидится.

После того как все заказали по очередному напитку и выкурили еще по одной сигарете, Маршалл повернулся к Натали.

– А теперь пообещай, что не будешь психовать. Так как в день твоего рождения мне придется присутствовать на одном из этих ужасных съездов в Вегасе... – Он опустил ру-

ку под стол и достал прямоугольный сверток, упакованный в красную бумагу и перевязанный фиолетовой лентой.

– О, Маршалл, – выдохнула Натали, – это не то, о чем я...

– Это именно то, о чем ты думаешь.

Натали развернула книгу. На твердой, изготовленной из грубой бежевой ткани по типу мешковины обложке черными чернилами было выведено «Коронация». Под названием располагалась корона из соломы, выполненная теми же неровными штрихами, а ниже имя – Рафаэль Мелендес Мендон.

– Что это? – Либерти покосилась на книгу и быстро прочитала надпись. – О боже, вы только посмотрите на них: наркоманка и ее дилер.

– О господи! – Натали обхватила руками шею Маршалла, едва не перевернув стол. – Как тебе удалось достать ее так рано? Она должна выйти только через три недели!

Она уселась на свое место и начала восторженно рассматривать подарок. Пальцы так и норовили открыть книгу.

Маршалл провел ногтями по отвороту пиджака.

– У меня свои способы. И друг – владелец книжного, который получает сигнальные экземпляры. Он был мне должен.

– О, Маршалл! – Натали положила руку на сердце. – Она идеальна.

Либерти фыркнула.

– Ты ее еще даже не читала. Как она может быть идеальной?

– Потому что ее написал Рафаэль Мендон, – ответила Натали. – Конечно же, она будет идеальной.

– Это тот парень, о личности которого никому ничего не известно? – Либерти взяла книгу и в поисках фотографии автора перевернула на последнюю страницу. Натали напряглась, наблюдая за приближением ее сигареты к девственным страницам. – Он тот затворник, в которого ты влюблена, да?

– Да, – подтвердила Натали, выхватывая книгу. – Но, ради бога, я не влюблена в него. Как ты и сказала, никто не знает, кто он. Признаюсь, я влюблена в его истории. И я не одна такая. Его первая книга «Выше» была номинирована на Пулитцеровскую премию, и он выиграл Национальную книжную премию. Дважды. Кроме того, каждый его роман становился международным бестселлером.

Маршалл промокнул уголок глаза галстуком и хлопнул носом.

– И мы так им гордимся.

Либерти скривилась.

– Если он получил все эти премии и так почитаем, то почему прячется? Разве ему не хочется насладиться плодами своего труда? Как-то нелогично. Может, он чокнутый?

– Нет, он из тех страдающих гениев типа Сэлинджера, – возразил Маршалл. – Я читал «Выше» и должен признать, она прекрасна.

Натали просияла.

– Ну, я рада, что ты счастлива, дорогая, – произнесла Ли-

берти, сжав ее руку. – Но если я увижу, что ты читаешь эту чертову книгу, пока я пою финал...

– Ни за что!

– Отлично.

– В любом случае тут слишком темно, – улыбнулась Натали.

Ее друзья обменялись шокированными взглядами, а потом громко рассмеялись.

Натали рассмеялась вместе с ними, но, как только «Коронация» попала ей в руки, время начало ползти слишком медленно. На сцену выходили другие артисты, но она смотрела шоу вполглаза. Взгляд раз за разом обращался к книге. Ей до безумия хотелось прийти домой, удобно устроиться на диванчике и погрузиться в чтение, пусть это и означает еще одну бессонную ночь. Новый роман Мендона в какой-то паре дюймов от нее превратился в сладкую пытку.

Наконец Либерти извинилась и отправилась готовиться к финальному выступлению. В помещении потемнело, и только прожектор оставил на сцене маленькую луну. Либерти вышла в этот круг света, и небольшой клуб наполнился ее бархатным голосом.

Желание прочитать книгу отступило, когда Натали услышала «Может в этот раз». Салли Боулз в исполнении Либерти гадала, может, в этот раз ее мужчина останется. Песня навеяла воспоминание о Джулиане Коваче, выходящем из кофейни «У Нико». Каждая строчка вызывала отклик в

сердце Натали, брала за душу. Ей уже почти двадцать три. Пора прекратить прятаться в чужих историях, хватит заимствовать радости и победы у персонажей романов Мендона, пора начать создавать собственные. Пришло время обрести свой собственный голос, прежде чем каждый Джулиан Ковач, встретившийся ей на пути, уйдет, а она так ничего и не скажет.

Той ночью она вернулась в свою крошечную квартирку, твердо решив лечь спать, на следующей день закончить с заданиями последнего курса летней программы и приступить к «Коронации», лишь когда у нее появится свободное время, как поступают все нормальные люди. Поэтому Натали положила книгу на кофейный столик и отправилась в ванную, чтобы стереть макияж.

Выйдя из ванной, она пересекла кухню и собралась свернуть в альков спальни. Однако вместо этого оказалась на диване, рассматривая подарок. Ее рука сама по себе открыла роман и провела пальцами по первой странице. Натали была уверена, что в английском языке нет более мучительной фразы, чем «Глава 1». *«Только первые предложения, – подумала она. – Нет смысла лишать себя этого».*

У жителей деревни Агилар существовало только одно правило: тот, кто выживет после укуса гадючьей осы, становится королем. Землю вокруг гнезда усеивали трупы, рабы склонялись перед хозяевами, а монархи не получали короны. Рука Лилианы опухла и истекала ядом, но девушка,

пошатываясь, встала. Ткачиха. Женица. Королева.

Солнечный свет уже забрезжил на востоке медно-розовым, когда Натали перевернула последнюю страницу. Она вытерла слезы, открыла начало и стала перечитывать.

Глава 3

Лето пролетело, и в сентябре снова начались занятия. Натали с головой погрузилась в рутину: читала, наливала кофе, подсчитывала расходы и проводила аудит несуществующих компаний. Работы в кофейне прибавилось даже в вечерние часы. Народ заходил, чтобы погреть лица в ароматном паре, обхватывая пальцами горячие кружки, пока первые холодные осенние ветры кружили листья в миниатюрных вихрях перед входной дверью.

Однажды вечером они принесли в «У Нико» Джулиана Ковача.

Ранним вечером понедельника в кофейне было еще мало посетителей. Натали почти забыла о молодом человеке, почти не вспоминала, насколько он великолепен. На этот раз

он явился в джинсах и облегающей черной толстовке с капюшоном поверх черной же рубашки. Темные кудри падали на лоб, а аккуратная бородка прорисовывала угловатые узоры у него на щеках. Его глаза светились, словно яркие голубые звезды в ночном небе, и Натали просто пялилась на молодого человека, пока он не заговорил, тем самым выводя ее из оцепенения.

– Привет, Натали. Приятно снова тебя видеть.

Сердце девушки затрепетало в груди. Улыбка Джулиана согрела ее лучше жужжащего под кассовым аппаратом обогревателя.

– Взаимно. – На нее накатила волна паники, заставив напрычься всем телом. Только бы не облажаться в этот раз. – Как, э... как дела?

– Неплохо, спасибо. А у тебя?

– Все хорошо.

Натали осознала, что так общаются со знакомым, а никак не со случайным клиентом. Интересно, он это понял? Девушка не стала бы утверждать. Молодой человек внимательно смотрел на нее, и казалось, что за его ярко-голубыми глазами ведутся целые диалоги. Ее собственный разум замер. Она не придумала следующей реплики, помимо привычной фразы бариста «Что вам предложить?».

Джулиан попросил обычный кофе с плюшкой. И снова между ними повисла тишина. Подготавливая заказ, Натали то и дело поглядывала на него из-за кофемашины, а потом и

через стекло витрины с выпечкой. Когда она поставила заказ на стойку, молодой человек снова улыбнулся.

– Оставь сдачу себе, – тихо проговорил он и понес кофе и плюшку к столику у эркерного окна в передней части кофейни.

Подойдя, он спустил с плеча черную кожаную сумку-почтальонку и расстегнул толстовку. К слову, не обычную, а стильную и дорогую – на нечто подобное Маршалл заглядывался в журналах. Джулиан небрежно бросил толстовку на спинку противоположного стула. Под ней оказалась черная рубашка с рукавами три четверти, а на запястье – дорогие черно-серебристые часы с широким ремешком. Молодой человек достал из сумки ручку и пятнистую черно-белую тетрадь, какие пачками продавали в университетском книжном. Он сел, открыл ее на первой странице и после недолгой паузы начал писать.

Натали наблюдала за происходящим со смесью стыда и облегчения. Ей снова не хватило ни очарования, ни остроумия, чтобы сразить Джулиана. Она опять не смогла превратить обычный обмен любезностями во что-то более серьезное. Правда, в этот раз он не ушел. Джулиан остался и, судя по всему, собирался пробыть здесь какое-то время. Он склонился над своей тетрадью, так и не прикоснувшись к кофе и пирожному, и что-то писал. Поглазев на него минут пять и внимательно рассмотрев все детали, Натали вернулась к своей книге, но периодически косилась на клиента, на случай

если понадобится ему.

Шли часы. Около семи начался наплыв посетителей, но постепенно народ разошелся. Ближе к десяти кофейня опустела, не считая Джулиана и Натали. Молодой человек писал без перерыва, а она просто наблюдала. У девушки даже разболелась рука, словно из солидарности с ним.

Без десяти одиннадцать Джулиан отложил ручку и потер кисть, оглядываясь по сторонам, будто заснувший в поезде пассажир, который проснулся в чужой стране. На глаза ему попала Натали, все так же стоявшая за стойкой.

– Спящий проснулся, – коротко усмехнулась она.

– Извини, что?

– Это из «Дюны». Из книги. Прости, неудачная шутка.

– Удачная, – улыбнулся Джулиан, – просто я ее не читал.

– Хорошая книга. – Натали направилась к нему, и он поднял чашку и тарелку со стола. – Давай, позволь мне...

– Да ничего страшного...

– Нет, пожалуйста, это моя работа.

Натали забрала у него посуду, но, прежде чем успела зайти за стойку, Джулиан поинтересовался:

– Вы скоро закрываетесь?

– Минут через десять.

– И... ты работаешь одна? Каждый вечер?

– Да. Днем я учусь в Университете штата.

Натали понятия не имела, что заставило ее рассказать об этом. Возможно, желание показать, что она не просто бари-

ста, хотя раньше эта профессия не казалась ей какой-то зазорной.

Кажется, Джулиан все равно ничего не услышал. Он с хмурым выражением лица осматривал кофейню.

– Это безопасно?

– Здесь безопасный район. И я живу наверху, так что...

– Наверное, не стоит об этом рассказывать всем подряд.

У Натали вспыхнули щеки.

– Я и не рассказываю. В смысле, обычно.

– Прости, – произнес Джулиан. – Очевидно, это прозвучало так, будто я сам преступник и пытаюсь выпытать у тебя информацию. Это не мое дело.

Он быстро натянул толстовку и собрал свои вещи.

Натали прикусила губу. Ужасно хотелось признаться молодому человеку, что он ее ничуть не пугает. Напротив, его присутствие волнует ее, а немного необычная застенчивость, так не сочетающаяся с его внешним видом, удивительно успокаивает. Однако шансов, что она сможет решиться произнести такое вслух, не было, так что Натали просто стояла посреди кофейни, продолжая держать в руках грязную посуду и чувствуя себя идиоткой.

– Ты много работал. Что пишешь? – выпалила она и ощутила, как щеки снова окрасились в алый. – Забудь, прости. Это не мое дело.

– Ничего интересного. – Он бросил тетрадь в сумку и быстро застегнул ее. – Пока ничего. Может, что-то получит-

ся. Посмотрим. – Казалось, что он тоже с трудом подбирает слова. Но потом Джулиан все же спросил: – А ты пишешь?

– О нет, совсем нет. Я учусь на бухгалтере. Я читаю, но писать самой мне не хватает красноречия.

– Сомневаюсь, – Джулиан снова мечтательно улыбнулся, – очень в этом сомневаюсь. – Он повесил сумку на плечо. – Доброй ночи, Натали.

– Да, доброй ночи, – ответила девушка, и он ушел, оставив после себя свежий аромат дорогого одеколона и комплимент, о котором, как подозревала девушка, она будет думать всю ночь.

Натали считала, что снова позволила Джулиану ускользнуть, а потому ее сердце запело, когда он вернулся на следующий вечер. Как и вчера, они обменялись приветствиями и заверениями, что все хорошо. Он снова заказал черный кофе и выпечку, но съел лишь половину. Улыбался тепло, но как-то мимолетно. А затем устроился за тем же столиком, что и в предыдущий раз, достал ручку и черно-белую тетрадь и тут же начал писать.

Часов в восемь вечера в кофейне стоял гул от обрывков разговоров и звона чашек о блюдца. Едва у Натали находилась свободная минутка, она следила за тем, как Джулиан быстро пишет или дает ручке немного передохнуть и задумчиво стучит ей по подбородку, наблюдая за окружающими людьми.

Ближе к закрытию в зале снова стало потише. Натали убралась после наплыва клиентов, вытерла столы, помыла посуду и снова уткнулась в книгу. И пусть она не отрывала взгляда от страниц, все равно не понимала ни строчки. Присутствие Джулиана ее очень отвлекало.

На улице завывал ветер, пытаясь ворваться внутрь.

Без десяти одиннадцать Джулиан потянулся и собрал свои вещи.

– Спокойной ночи, Натали.

– Спокойной ночи, – отозвалась она, испытывая разочарование. Она даже не могла заставить себя произнести его имя.

Джулиан вышел, как она считала, в последний раз. Наверняка ведь решил, что «У Нико» слишком шумно, чтобы работать. Натали не сомневалась, что он больше не придет.

Однако Джулиан вернулся и на следующий вечер, и после него. В воскресенье она не работала, но в понедельник он снова присутствовал. Постепенно у них с Джулианом сложился своеобразный ритуал. Он приходил каждый вечер, заказывал кофе и пирожное, а потом писал в своей тетради.

Оба не произносили ничего, кроме привычных фраз приветствия и прощания. Натали не решалась начать более серьезную беседу, да и Джулиан по каким-то причинам ничего не говорил. Видимо, оставлял все для потока слов в тетради. Натали со временем смирилась с тем, что молодой человек появляется в кофейне не из-за нее. Он приходил поработать, и ничего больше.

Однако странную боль в сердце становилось все сложнее объяснить.

Глава 4

Ближе к середине октября пришли первые заморозки, предвещая скорую зиму. Звезды на черном небе мерцали холодным светом, а ветер рвал навес над дверью. Джулиан и Натали, словно актеры в фильме, находились на своих привычных местах. Никакой массовки, только расставленные вокруг декорации. Не считая их, в «У Нико» никого не было. Рука Джулиана по-прежнему порхала над страницами, а рядом с ним остывал кофе.

Незадолго до десяти дверь с грохотом распахнулась, за-

ставив Натали подпрыгнуть на месте. Внутри ввалились двое парней, распространяя вокруг себя пары алкоголя. Заметив за стойкой девушку, один толкнул другого, и оба заухмылялись так, что она покрылась мурашками. Краем глаза она заметила, что Джулиан отложил ручку и внимательно наблюдает за ними.

– Что вам предложить? – поинтересовалась Натали.

Они посмотрели на выпечку на витрине, а потом подняли глаза на нее.

– А что тут вкусное? – спросил один из них.

– Давай я расскажу тебе, что, – пробормотал другой. Покосившись на Натали, оба рассмеялись, словно вели себя скромно и забавно, а не грубо и не слишком умно.

– Я возьму пиво, – заявил первый. По цвету и текстуре его волосы напоминали солому. Толстовка с надписью Warriors⁷ обтягивала мускулистую грудь, чересчур накачанную, да и шея выглядела толстой, как ствол дерева.

Второй, темноволосый, с покрасневшими припухшими веками, тупо тарачился на меню, написанное цветным мелом на стене за спиной Натали. Его синяя неопрятная ветровка шелестела от каждого движения.

Натали внезапно поняла, что рассматривает парней на тот случай, если потом придется их опознавать. И от этого осознания все внутри ее свернулось в тугий узел. Угроза слышалась и в их развязном смехе, и в резких голосах. Она по-

⁷ Воины (англ.).

косилась на Джулиана. Сейчас тот напоминал кота на охоте: пусть и продолжал сидеть, но подобрался так, будто в любую секунду готов вскочить со стула.

– И где ты, черт побери, видишь пиво? – задал вопрос парень в ветровке.

– Мы не продаем пиво, – сообщила Натали. – Только кофе.

– Видишь? Пива нет. Придурок.

– А что еще у вас есть? – осведомился блондин, с ног до головы изучая Натали, словно она тоже была представлена в меню. – Симпатичная, – вынес он вердикт, – но сиськи маленькие.

Парень в ветровке рассмеялся.

– Черт, Гарретт.

Лицо Натали вспыхнуло.

– Думаю, вам лучше уйти.

– Да ладно, он просто дразнится, – отмахнулся тот, что был в ветровке. – К тому же тебе стоит проявлять любезность. Клиент всегда прав. – Он опустил взгляд на грудь Натали. – К тому же он прав.

Парень рассмеялся собственной шутке, однако никто не поддержал его смех. Гаденько улыбаясь, его друг наклонился вперед.

– Да, будь с нами любезной. Очень любезной...

Возле меню появился Джулиан. Сильный и стройный, он не уступал наглецам ростом, но те выглядели тяжелее его ки-

логграмм на двадцать.

– Мне повторить, – обратился он к Натали, протягивая пустую чашку. – Можно?.. – кивнул он на кофемашину.

И пусть у него было совершенно бесстрастное лицо, но Натали немного полегчало. Его понимающий и уверенный взгляд успокоил ее.

– Конечно, – выдохнула девушка.

Парни угрюмо следили за Джулианом и что-то бормотали. Она услышала лишь несколько слов. Очевидно, они решили дождаться, пока Джулиан перестанет мешать, потому что еще не закончили.

– Тут нет народа, – заявил Гарретт. – Закрывайся и пойдем с нами.

– Ага, мы милые парни, – добавил его друг. – Давай устроим свидание.

За спиной Натали Джулиан наливал молоко в маленький жестяной кувшинчик.

Гарретт вытянул руку и провел пальцем по ее запястью.

– Избавься от него и пойдем, ладно?

Натали отдернула руку и отступила. Джулиан одним плавным движением встал на ее место, сжимая в руке кувшинчик для приготовления латте и капучино. Для такого небольшого сосуда от него поднимались слишком густые облака пара. Натали слышала, как внутри бурлит кипящее молоко. Джулиан облокотился о витрину, и все в его позе говорило о небрежности и расслабленности.

– Кажется, вам пора. Здесь вам делать нечего.

– Ты кто такой? – возмутился парень в ветровке. – Кем ты себя возомнил, придурок?

– Он молочник, – проговорил Гарретт. – Это должно нас напугать. А ну вали отсюда, пока по роже не схлопотал. Тебя это не касается.

Натали взглянула на телефонный аппарат на стене у служебного входа. Он находился слишком далеко, придется бежать. Повисшее в воздухе напряжение парализовало ее, но если делать резкие движения, то может получиться.

Если Джулиан и ощущал какое-то напряжение, то никак этого не показывал.

– Молоко действует как жир, если его нагреть, – как бы между прочим произнес он.

– Что? – тупо заморгал Гарретт.

– Можешь попробовать дать мне по роже, но я ошпарю тебя раньше. Будет больно, как в аду, шрамы останутся на всю жизнь, и, если хорошо прицелиться, ты можешь потерять глаз. – Он поднял бровь. – Так что валяй, если считаешь, что оно того стоит.

Очевидно, Гарретт считал, что стоит. Он сжал свои огромные кулаки и выпятил нижнюю губу. Однако друг удержал его.

– Да к черту их. Пойдем, купим пиво, – уговаривал он, таща Гарретта к двери.

– Придурок, – крикнул Гарретт, – выходи на улицу без сво-

его ковшика, и посмотрим, кто потеряет глаз. Я превращу твою чертову рожу в месиво, и ты это понимаешь, тварь.

Он продолжал материться и выкрикивать угрозы, но вскоре его голос приглушила закрывшаяся дверь. Напоследок Гарретт впечатал кулак в стекло, отчего оно затряслось, а затем парни наконец ушли.

Натали медленно выдохнула и глубоко вдохнула, чтобы успокоить колотящееся сердце. Джулиан вернул кувшин с молоком на машинку для капучино. Близость его красоты прогнала уродство тех двоих.

– Спасибо, – сказала Натали. – Быстро сориентировался.

– Мне это не нравится, – признался Джулиан. – То, что ты работаешь одна. По вечерам. Каждый вечер. – Он уставился на окно, за которым чуть раньше стояли Гарретт с другом. Казалось, каждая его клеточка пронизана гневом.

– Такое произошло впервые за три года, – возразила Натали. – У меня случалась пара стычек с бездомными, но они успокаивались, как только получали теплый напиток и толику доброты. А еще у меня есть перцовый баллончик. Он лежит в сумочке. Обычно он рядом, но сегодня я про него забыла. Забыла...

Джулиан оглянулся на девушку, и часть напряжения покинула его тело, хотя в глазах продолжала бушевать буря.

– Ты в порядке? – Когда она кивнула, он произнес: – Прости, я... то, что они сказали тебе... – Очевидно, он едва сдерживал матерные слова. – Я подожду, пока ты закроешься.

Она снова кивнула и, схватив ключи и сумочку, впервые за три года оставила дела незавершенными. Например, вспениватель молока уже покрылся корочкой и нуждался в чистке, но это могло подождать, ведь у входа ее ждал Джулиан.

– Ты ездешь на Муни? – спросил он, когда Натали замкнула кофейню. – Я хочу проводить тебя до остановки и подождать вместе с тобой.

– Я живу прямо здесь, – сообщила она, указывая на закрытую дверь рядом с «У Нико». – Наверху, помнишь?

– Ах да, забыл. – Джулиан осмотрел улицу в поисках тех парней. Во взгляде голубых глаз светилась решимость. Он подождал, пока девушка не открыла ворота, ведущие к темной лестнице. – Спокойной ночи, Натали, – произнес он и закрыл ворота, так что теперь их разделял ржавый металл.

– Спокойной ночи, Джулиан, – ответила она. – И еще раз спасибо.

– Увидимся завтра вечером.

Глава 5

На следующий вечер Натали сразу заметила, как все изменилось между ней и Джулианом. Он задержался у стойки, делая заказ и непринужденно болтая. А она нашла в себе смелость предложить ему еще кофе позже, когда увидела, что молодой человек ненадолго оторвался от тетрадки. Они еще немного поболтали, прежде чем Натали отвлекли другие клиенты. В четверть одиннадцатого кофейня опустела, остались только они с Джулианом. Он отложил ручку и потянулся.

– А тебе разрешено поесть вместе со мной? Естественно, я заплачу. – Он достал кожаный бумажник. – Не хочу создавать тебе проблемы, но я был бы рад, если бы ты хоть ненадолго присоединилась ко мне. Если можно, конечно.

– Можно, – произнесла Натали, стараясь не перекрикивать внезапно участившееся биение сердца в ушах. Она выбрала круассан. Оплатив покупку, Джулиан отнес его на свой столик и выдвинул для нее стул.

Синий кашемировый свитер достаточно обтягивал его тело, чтобы стало понятно: парень регулярно посещает спортзал, а благодаря цвету голубые глаза Джулиана светились особенно ярко. Не желая залипать на его рельефный торс или теряться в этих невероятных глазах, Натали не знала, куда смотреть, и поэтому сосредоточилась на выпечке. Между

ними повисло молчание.

Джулиан поерзал на стуле.

– Не хочется начинать вечер с неприятной темы, но вчера я размышлял о случившемся и о тех двоих, что напали на тебя.

– Думаю, они не вернуться.

– Может, и нет, но я не смогу находиться здесь каждый вечер, пока ты работаешь. И я не уверен, что могу сказать что-то еще и при этом не... не знаю, не обидеть твои феминистические взгляды. Или самому не показаться подонком. Я просто переживаю.

Натали покраснела и отвела взгляд. Она не сомневалась, что Либерти буквально выплюнула бы какое-нибудь замечание типа: «Я и сама способна о себе позаботиться, большое спасибо», но лично ее забота молодого человека грела.

– И учитывая сказанное... – Джулиан порылся в своей сумке-почтальонке и достал оттуда маленькую коробочку с надписью «Системы безопасности «Одно прикосновение», – это тебе. Это брелок для ключей с GPS. Просто нажми кнопку, и он пошлет сигнал полиции о твоём местонахождении. – Он прочистил горло. – Прости, я знаю, что это ужасный подарок, но после вчерашнего...

Натали изучила коробочку, отметив про себя, что устройство изготовлено по последнему слову техники.

– Спасибо.

– Это меньшее, что я мог сделать.

Девушка улыбнулась. Оказывается, она настолько небезразлична Джулиану, что он купил ей такую вещь. Эта мысль заставила ее почувствовать легкий триумф.

– Ты очень внимательный, – мягко проговорила она. – Хотя, конечно, это не так умно, как угрожать разбойникам горячим молоком.

– Нет, очевидно, нет, но гораздо практичнее, – рассмеялся он, расслабляясь. – Угрожать разбойникам. Я подозревал, что ты обладаешь чувством юмора, но не знал, удастся ли мне его увидеть.

Натали повертела туда-сюда тарелку.

– Ну, раньше ты особо со мной не разговаривал, только заказывал кофе. Между принятием заказа и возвратом сдачи не так много места для юмора.

– Ты права, – согласился Джулиан. – Не разговаривал. То есть мало говорил с тобой. А зря.

– Все нормально. Я не слишком общительная. У меня есть пара друзей, и увидь они, что я сижу и общаюсь с живым человеком, задумались бы, не проспорила ли я кому-то.

– Я рад, что сейчас ты сидишь тут и разговариваешь со мной, – признался Джулиан, а на его губах мелькнула загадочная улыбка и тут же исчезла. – Но это моя вина. Я хожу сюда больше месяца. Просто дело в том, что...

Она наклонилась вперед.

– Да?

– Легко приобрести привычку, особенно когда ты склонен

к таким вещам.

– Привычка одиночества, – догадалась она.

– Да, точно.

Между ними снова повисла пауза, а затем и затянулась, грозя разрушить достигнутый прогресс. Натали решила быть храброй. Ее взгляд упал на закрытую тетрадь, две трети которой уже были использованы. Она видела, где бумагу исписали, а где еще не тронули.

– Как твои записи? – поинтересовалась Натали и добавила как можно беззаботнее: – Что бы ты там ни писал.

– Я... да, все идет хорошо, – слабо улыбнулся Джулиан и глотнул кофе.

– Это... хорошо, – произнесла она. – Знаешь, большинство виденных мной писателей печатают на ноутбуке. Мало кто продолжает использовать ручку и бумагу.

– Я старомоден. Или, скорее всего, это еще одна привычка с детства, от которой я так и не смог избавиться.

– Я сомневаюсь, что от нее нужно избавляться. Хотя у твоей руки может быть иное мнение.

Он рассмеялся.

– Да, моя рука иногда жалуется. Но за десять лет она привыкла к издевательствам.

– Десять лет?

– На самом деле если задуматься, то дольше. Учитель в начальной школе купил мне тетради, чтобы... ну, чтобы я не попал в неприятности. Кстати, я заметил, что ты всегда с

книгой, когда мало клиентов, – сказал он. – Любишь читать, да?

– О боже, да, – отозвалась она. – После счетов, продуктов и занятий мои деньги уходят на книги. Иногда я думаю, что слишком много читаю, но мне кажется, это лучше, чем смотреть телевизор или лазить в интернете.

– Невозможно слишком много читать.

– Моя подруга Либерти не согласилась бы.

– Либерти?

– Либерти Честейн, одна из двух моих друзей. Днем массажист, ночью – актриса в кабаре. Она все время твердит, что мне следует чаще выбираться в люди и не проводить столько пятничных вечеров за книжкой. – Натали усмехнулась. – Упс, теперь я выгляжу отшельником. Хотя по сравнению с Либерти, наверное, так и есть. Она достаточно... запоминающаяся.

– Как и ты.

Подняв взгляд, Натали увидела, что молодой человек внимательно смотрит на нее. Она смущенно прочистила горло и понадеялась, что полумрак в зале скроет от Джулиана ее румянец.

– Нет-нет. Я просто... люблю книги, – слабо возразила она, подавляя желание сбежать и спрятаться.

Улыбка Джулиана помогла ей расслабиться.

– Ну да, они твоя компания на пятничный вечер. И кого ты читаешь?

– О, я обожаю Джона Ирвинга, Энни Пру... Октавия Батлер тоже нравится. О, но никто не может сравниться с Рафаэлем Мелендесом Мендоном. Если выбирать самого любимого автора, то это точно он. Ты его читал?

Джулиан медленно откинулся на спинку стула.

– Читал.

Натали захлопала в ладоши:

– И?

Он сделал глоток кофе и пожал плечами.

– О, да ладно тебе! Если ты читал, то у тебя точно сложилось какое-то мнение о его работе! Он слишком талантлив, чтобы вызывать равнодушие.

– Я бы не сказал, что равнодушен...

– В этом мире есть лишь несколько вещей, которые я люблю больше книг Рафаэля Мелендеса Мендона. И я чувствую себя обязанной по крайней мере постараться обратиться в свою веру незнающих и не ценящих. Я уже в третий раз перечитываю его последнюю книгу. «Коронацию». Она просто... волшебная.

Джулиан слабо улыбнулся.

– Сильный комплимент, но всегда есть что улучшить, не так ли?

– Не в его случае, – покачала головой Натали. – Прости, я обожаю Мендона, и меня начинает нести, когда говорю о нем. Я приобрела все его книги и прочитала их по меньшей мере раз десять. А «Выше» – раз двадцать точно. – Она взяла

круассан, понимая, какой безумной, должно быть, смотрится со стороны. – Либерти права, да? Я безнадежна.

– Я бы сказал, ты довольно далека от безнадежности. Свое время можно тратить на занятия гораздо хуже, чем чтение.

Натали покосилась на окно, за которым печально завывал ветер и кружились опавшие листья.

– Иногда мне кажется, что я не столько читаю Мендона, сколько сбегая в эти истории, – призналась Натали. – Они словно убежище от всего уродливого и жестокого. От боли. Они – кусочки абсолютной правды, понимаешь? Правды, выраженной в судьбах персонажей и просвечивающей сквозь его прозу. – Она повернулась к нему. – У тебя действительно не сложилось никакого мнения по поводу его книг?

– Ты разочарована?

– Нет. Хотя есть немного. Я не собираюсь ставить тебя в неловкое положение, ничего такого, – вздохнула Натали. – Вероятно, Либерти и мой босс Нико, да, тот самый Нико, правы. Я провожу слишком много времени в книгах и недостаточно в реальном мире. – Она фыркнула. – Ненавижу этот термин. Сюжеты книг Мендона происходят в настоящем мире, но там есть магия. Даже когда ситуация становится опасной, жестокой или трагичной, в итоге у тебя остается надежда и вера в людскую доброту. Вот почему меня словно подбрасывает, когда кто-то говорит, что читал его. Я надеюсь, что они увидели и испытали то же самое и что ценят его не меньше моего. – Девушка взглянула на Джулиана, и внезап-

но ей в голову пришла ужасная мысль. – Или тебе не нравятся его работы?

– В целом он мне нравится.

– Ладно, тогда можно продолжать общаться с тобой, – улыбнулась Натали. – Меня немного заносит, знаю. Но видел бы ты, какой спектакль я устраиваю, когда ловлю посетителя за чтением его книг. Я просто... становлюсь сама на себя не похожа... забываю о своем привычном одиночестве ради разговора о книге. Или о самом Мендоне. Он затворник, но боже, как я ненавижу это слово. Словно он какой-то чудак. Как будто в желании время от времени побыть в тишине есть что-то плохое. У него своя привычка одиночества, понимаешь? – Джулиан смотрел на нее с каким-то непонятным выражением лица, и Натали ощутила, как краснеет ее шея. – О боже, это я чудачка. Прямо сейчас. Болтаю тут без умолку...

– Нет, – тихо, почти печально произнес он, – я считаю, что твое увлечение книгами Мендона озаряет это помещение лучше любого света и благодаря тебе я проникся к нему уважением.

В кофейне снова повисла густая тишина. Казалось, Джулиан порывается добавить что-то еще, но он промолчал, а Натали, наоборот, жалела, что так много рассказала. Отец часто дразнил ее тем, что она похожа на старый двигатель, который сложно завести, но как только это произойдет...

– У тебя посетители, а мне нужно идти, – сообщил Джулиан, вставая.

– У меня?..

За спиной Натали прозвенел колокольчик, и в зал вошла компания пожилых женщин в фетровых шляпах и перчатках. Они весело болтали, восхищались выставленной на витрине выпечкой и рассуждали, в чем разница между мокко и горячим шоколадом.

Джулиан надел пальто и собрал свои вещи.

– Доброй ночи, Натали.

Девушка смотрела, как он уходит, и потирала внезапно покрывшуюся гусиной кожей руку. Джулиан забрал с собой все тепло и оставил ее в холоде со странным ощущением, будто он разочаровался в Натали, хотя она и не могла понять причины.

– Здесь кто-то работает? – пискнула одна из женщин.

Натали нацепила на лицо дежурную улыбку и на автомате обслужила посетительниц. Все ее мысли крутились вокруг разговора с Джулианом. К концу вечера, тысячи раз проиграв все в своей голове, девушка пришла к выводу, что сказала слишком много, чем смутила его. *«Ты трещала как сумасшедшая. Неудивительно, что он ушел. Парень хотел просто поболтать, а не обсуждать Мендона»*, – ругала она себя. В эти мгновения Натали даже хотелось, чтобы здесь оказались Нико или Либерти, и она сказала бы им тогда: «Видите? Вот почему я ни с кем не общаюсь. Я просто порчу все».

Закрыв кофейню, Натали поднялась в квартиру, забралась на свой диван и взяла «Коронацию». С головой окунувшись

в историю, она очнулась лишь в тот момент, когда настолько устала, что тут же заснула.

Седан свернул на круговую подъездную дорожку к высотному жилому комплексу, и Джулиан Ковач вышел из него, прежде чем водитель успел открыть ему дверь.

– Доброй ночи, сэр, – с профессионально бесстрастным лицом проговорил водитель.

Захлопнув дверь, Джулиан пробормотал ответ и зашагал к зданию, перепрыгивая по две бетонные ступени зараз. Небоскребы Финансового района⁸, словно колонны света, устремлялись к звездам, останавливая воюющий ветер и превращая его в довольно терпимые порывы.

Берни, ночной портье, поприветствовал его теплым «Доброго вечера, мистер Ковач» и открыл прозрачную стеклянную дверь. Джулиан пробормотал еще одно приветствие, потом третье – Хэнку, охраннику за стойкой. Оказавшись внутри лифта, он выругался на испанском и нажал на кнопку

⁸ Financial District – финансовый центр города, в котором сосредоточена деловая жизнь и пульсирует энергия всего Западного побережья США.

«15ПХ».

Красивым голосом лифт объявил этаж и открыл двери в небольшой холл с густым красно-коричневым ковром. В золотистых оловянных светильниках в стиле ар-деко горел свет. На этом этаже располагалась только его дверь. Он набрал код безопасности на настенной панели, и она бесшумно открылась.

Пентхаус освещали лишь огни города, проникающие через огромные окна, целиком занимающие одну из стен. Джулиан прошагал мимо элегантных стульев, столов и диванов, чтобы оказаться перед ними.

Он посмотрел на сверкающие созвездия города и озеро тьмы – бухту. Мост Золотые ворота находился слева от него, а подвесной мост справа походил на звездную гирлянду над чернотой, чей яркий свет сталкивался и смешивался с огнями Сосалито и Окленда.

– Тысячи писателей по всему миру, – пробормотал Джулиан. – Шанс минимален. Невероятное совпадение. – Он прижался лбом к прохладному стеклу. Кожа продолжала гореть при воспоминании о девушке, о том, как светились ее темные глаза, пока она рассказывала о любимом авторе. – Столько любви... – он вздохнул. – Я не мог написать ничего хуже.

Глава 6

– Я кое-кого встретила, – призналась Натали, уловив момент, когда Либерти с Маршаллом наконец перестали беззлобно переругиваться. Они с комичной синхронностью опустили свои коктейли на столик и повернули к ней головы.

– Что? – Либерти широко раскрыла рот. – Ты смеешься.

– Тсс! – зашипел Маршалл, как будто в его любимом шумном баре на Маркет-стрит в принципе могло быть тихо. – Вы слышали хруст? Это ад замерз.

Натали одарила его гневным взглядом.

– Я запомнила твою поддержку. И нет, я не шучу.

– Ну? – Либерти махнула рукой. – Кто он? Рассказывай.

Натали пожала плечами.

– Теперь не уверена, что хочу.

– Не сердись, – попросил Маршалл. – Взгляни на это с нашей точки зрения: комета Галлея пролетает мимо только раз в семьдесят лет...

Либерти толкнула его локтем.

– Маршалл, закрой рот. – Она похлопала Натали по руке. – Не обращай на него внимания. У него скоро месячные. Расскажи нам обо всем. Обещаю, мы будем вести себя хорошо.

Ощувив тяжесть дружеского интереса, Натали пожалела, что вообще открыла рот.

– Да ничего такого. Он просто... клиент в кофейне.

– И? Постоянный? Как его зовут? Как он выглядит? Что делает?

– Да, постоянный. Его зовут Джулиан...

– Джулиан, Джулиан... – гадал Маршалл. – Профессиональный шахматист? Капитан команды по дебатам?

Натали проигнорировала его иронию.

– Джулиан Ковач. Он очень умный, необычайно красивый...

– Необычайно красивый. – Либерти кивнула Маршаллу. – Не просто красивый.

– Да, – подтвердила Натали. – Если быть честной, он про-

сто потрясающий. Но я точно не знаю, чем он занимается. Кажется, что-то пишет. Мы еще так далеко не заходили.

– И как же далеко вы *зашли*?

– Я попалась, да?

– Ну конечно.

– Мы просто... разговаривали.

– Это все?

– Это все.

Маршалл усмехнулся в свой бокал.

– Милая, рассказчица из тебя никудышная.

Натали уже приготовилась оставить эту тему, ведь без пикантных подробностей друзья теряли интерес. Она посмотрела на обменивающуюся улыбочками и многозначительными взглядами парочку и скрестила руки на груди.

– И он практически спас мне жизнь.

Это заявление вызвало желаемую реакцию. Коктейли снова со стуком оказались на столе, а друзья повернулись к ней. Она описала, как к ней приставали двое парней и как Джулиан пригрозил им и прогнал.

– Боже, – выдохнула Либерти, – Нат, те парни могли натворить дел. Все закончилось бы гораздо хуже.

– Понимаю. – Натали вздрогнула. – Хорошо, что Джулиан быстро сориентировался.

– Мой герой! – воскликнул Маршалл. – Нужно было хорошенько отблагодарить его.

Лицо Натали загорелось алым. Чтобы поскорее отвлечься,

она рассказала друзьям о том, как Джулиан пишет каждый вечер.

– И если бы его не было в кофейне в тот день... не хочу даже представлять, что могло произойти.

Либерти задумчиво гоняла соломинку по стакану.

– Итак, позволь я скажу прямо. Он в течение нескольких месяцев приходит каждый вечер, пишет что-то в тетради, вы поболтали... и все. Ты ходила с ним на свидание? Вне кофейни.

– Нет, – ответила Натали. – Мы...

– Он странный, – объявила Либерти и откинулась на спинку стула, словно подводя итог.

– Он не странный...

– А вдруг он гей? – воскликнул Маршалл. – Можно мне его?

Довольная улыбка на лице Либерти немного угасла.

– Ты всегда думаешь, что все геи, пока не будет доказано обратного.

– Я просто применяю то же правило, которое вы, гетеро, установили миллион лет назад.

– Какое же?

– Предположение, что все *не геи*, пока не будет доказано обратное.

– Как регрессивно.

Натали погрузилась в молчание, пока ее друзья продолжали переругиваться. Ее статичную любовную историю побе-

дила их собственная. Они больше не вспоминали про Джулиана, и она не стала. После неловкой поездки домой на такси Натали вышла из машины и пожелала им спокойной ночи. Маршалл проводил ее до белых железных ворот перед домом.

– Чтобы никто не мог сказать, что я не такой галантный, как сэр Джулиан.

Натали поцеловала его в щеку.

– Никто.

– И я рад за тебя, – произнес Маршалл мягким тоном, который она редко слышала от него. – Если ты рада, то и я.

– Я рада, – ответила Натали.

– Ну и хорошо, – сказал Маршалл. – Но, когда вы все-таки переспите, я первым должен об этом узнать. – Он склонил голову набок. – Подожди. Это прозвучало неправильно.

Натали рассмеялась и в шутку толкнула его.

Либерти высунула голову из окошка такси.

– Таксометр все еще работает, хотя вам все равно. Я не стану платить больше десяти баксов, Мистер Мешок с деньгами.

– Она нежный цветочек, не так ли? – подмигнул Маршалл. – Не стоит заставлять ее ждать.

Натали наблюдала, как он запрыгивает назад в машину и машет ей на прощание, сидя за тонированным стеклом.

– Слишком поздно.

Джулиан не появлялся целых три мучительных дня и вернулся только в понедельник вечером. Натали с трепетом ждала его визита. Их последняя встреча закончилась немного странно, когда он внезапно ушел. Девушка поклялась больше не говорить о Мендоне с таким фанатизмом, это явно отталкивало его. *«Если Джулиан тоже писатель, то, возможно, у него ранимое эго»*. Казалось, такое описание совсем не подходит ему, но потом Натали поняла, что недостаточно хорошо знает молодого человека, чтобы утверждать наверняка.

Чуть позже десяти, когда зал опустел, Джулиан отложил ручку, размял пальцы и подошел к стойке.

– Я был бы рад, если бы ты снова ко мне присоединилась. – Он улыбался необъяснимо застенчиво. – Если только тебе не нужно работать или...

– Нет-нет, – Натали постаралась говорить нормальным голосом. – В смысле нет, мне не нужно сейчас работать. Я могу... э, присоединиться к тебе.

Она снова выбрала пирожное, и Джулиан снова заплатил за него, отнес к столу и выдвинул для нее стул. И сам уселся

только после того, как села девушка. Между ними тут же повисло молчание. Натали не желала заставлять его говорить о том, о чем он не хотел, но не представляла, что еще обсуждать.

– Как... как твоя рука? – наконец беззаботно поинтересовалась она. – Судя по всему, работаешь ты очень много.

– Достаточно много. – Молодой человек сухо улыбнулся, по всей видимости, догадываясь, насколько туманно звучат его слова, и провел пальцами по густым черным кудрям. – Наверное, ты уже решила, что я невоспитанный идиот, раз не рассказываю о своей работе. Просто я никогда о ней не говорю. Ни с кем. Пока не закончу. Наверное, это такой писательский заскок.

– Да, я подумывала об этом.

– Ничего личного, – быстро добавил Джулиан. – Просто мне кажется, что если я заговорю о работе, пока она не завершена, то все испорчу. Как бы прерву поток. Знаю, звучит немного нелепо, но это так.

– Ничего не нелепо, – возразила Натали. – Получается, ты этим зарабатываешь на жизнь?

Джулиан коротко кивнул.

– А ты учишься в Университете штата? Что изучаешь?

– Бухгалтерский учет, – ответила Натали. От ее внимания не ускользнуло, что молодой человек поспешил сменить тему. Он явно не горел желанием беседовать об этом, поэтому девушка решила оставить его в покое. – Нико, мой босс,

подтолкнул меня к этому.

– Как?

– Тебе точно интересно?

– Конечно.

– Ну, э... ладно. Три года назад Нико уволил своего бухгалтера. Парень почти ничем не занимался, только приходил на несколько часов раз в месяц, возился с бумагами и угощался большим количеством бесплатного кофе. Учетные книги кофейни находились в ужасном состоянии, и я предложила помочь.

– И тут проявился твой талант к цифрам.

Она улыбнулась.

– Вроде того. Нико оценил мое предложение, хотя никто из нас не надеялся, что у меня что-то получится. Однако мне удалось привести учетные книги в порядок, и я с радостью сообщила Нико, что его бухгалтер хотя бы не воровал. А Нико, невероятно щедрый человек, выдал мне премию к следующей зарплате. Которую я тут же потратила на книги. – Натали неохотно надкусила свой маффин с черникой. – Кроме чтения, в свободное время я ничем особо не занималась, и, когда Нико предложил пойти выучиться на бухгалтера, это показалось логичным. В любом случае, оказывается, мне это нравится.

– Это дар, – сказал Джулиан.

– Дар?

– Найти для себя какое-то увлечение и заниматься этим.

– Не уверена, что это увлечение, но именно бухгалтерией я хочу заниматься после колледжа. Такая работа кажется безопасной...

– Безопасной?

У Натали заалели щеки. Слова признания сами собой сорвались с языка.

– Забудь. Как бы то ни было, я за многое благодарна Нико. Он владеет этим зданием, и когда три года назад я хотела снять у него квартиру, то вместе с ней получила работу.

– Судя по всему, он хороший человек.

– Да, так и есть. И его жена тоже.

– Ты чего такая грустная? – мягко поинтересовался Джулиан.

– Разве? Да нет. Я просто... наверное, устала. – Она слабо улыбнулась. – Долгий день.

Натали ждала следующего комментария или вопроса, что-нибудь о том, как ею гордятся родители или живет ли ее семья поблизости. Однако он ничего не сказал, и между ними снова воцарилась тишина.

Она откусила кусочек маффина с черникой, а Джулиан – круассана. К его нижней губе прилипла крошка. «*Какой красивый рот*». Девушку охватило желание наклониться и провести большим пальцем по его губам. От внезапности и силы этого порыва она вздрогнула, перевернув свою тарелку. Маффин покатился по столу.

Джулиан схватил пирожное и вернул на тарелку.

– Ты в порядке?

Натали покраснела до корней волос. *«Как такое могло случиться? Ну как?»*

– Я просто... у тебя что-то... на губе.

Он вытер рот салфеткой.

– Все?

– Ага, – подтвердила Натали. – В следующий раз я постараюсь просто сказать, а не бросаться в тебя едой.

Джулиан громко рассмеялся, она подхватила его смех, и смущение растворилось само собой. *«Как он это делает? Заставляет меня чувствовать себя расслабленной и одновременно ошеломленной?»* – подумала девушка.

– Мне правда нравится общаться с тобой, – признался он. – Если ты не против, что я это говорю.

– Нет, совсем нет, – отозвалась Натали. – Мне тоже нравится с тобой болтать. – Снова наступила тишина, но через несколько мгновений она вскинула руки. – Но, господи, нам это дается просто ужасно.

Джулиан ухмыльнулся:

– Цицерон говорил: «Молчание – одно из великих искусств разговора».

– Тогда, должно быть, мы настоящие мастера.

– Нет-нет, мы просто немного заржавели в плане общения с новыми людьми. Мы сможем. Придумай тему, быстро.

– Эм, путешествия.

– Путешествия, отлично. Начнем, пожалуй. Натали Хью-

ит, ты путешествуешь?

Она улыбнулась его игривому тону:

– Джулиан Ковач, нет, не путешествую.

– Нет? Ты уверена?

– Да, иначе я бы помнила.

– Ладно, предположим, я тебе верю.

– О, как мило с твоей стороны, – рассмеялась Натали.

– Почему ты не путешествуешь?

– Не по собственной воле. В данный момент средства не позволяют.

– Вот оно. – Джулиан вытянул руки. – Видишь? Легко. У нас получилось.

– Точно! – засмеялась она. – Я тоже спрошу: у тебя фамилия хорватская, но акцент... испанский?

– *Correcto*⁹, – быстро ответил он. – Но тема у нас путешествия, и следующий вопрос. Не думай, просто отвечай. Если бы ты могла отправиться в любое место в мире, куда бы ты поехала?

– В Венецию.

– Венецию? То есть Венис-Бич?¹⁰ – Он поискал в кармане телефон. – Я вызову тебе такси. Сможешь сегодня ночью выехать. Уже утром будешь на месте.

⁹ Правильно (*исп.*).

¹⁰ В английском языке созвучны Venice – Венеция, Venice Beach – Венис-Бич. Венис-Бич – один из самых знаменитых пляжей в Лос-Анджелесе, который является популярнейшей туристической меккой.

– Ладно тебе, – засмеялась она, – в Италию. Венецию в Италии.

– Ммм, это уже посложнее. – Он бросил телефон на стол. Натали отметила про себя, что это последняя модель айфона. И наклонился к ней. – Почему именно Венеция?

– Потому что это... Италия. Красивая страна... и... – Натали всплеснула руками. – Нет, я не стану говорить, почему Венеция.

– Почему нет?

– Потому что. Просто не могу. Ты решишь, что я рохля. Или пересмотрела романтических фильмов.

– А, значит это связано с романтикой, – невинно улыбнулся Джулиан. – Но скажи мне на милость, что такого романтического в Венеции в Италии?

Она бросила в него салфеткой.

– О боже, дай подумать...

– Не нужно думать, просто отвечай. – Джулиан протянул ей салфетку. – Думаю, ты уронила.

Натали вдруг рассмеялась, а он посмотрел на нее так, словно этот звук ему нравился. Когда девушка успокоилась, Джулиан вскинул бровь в ожидании.

– Ну?

– Поверь, ты не захочешь об этом слышать, – произнесла Натали, и смех пропал из ее голоса. – Я опять заведушь и начну трещать без умолку. Снова.

– А что в этом плохого?

– В тот раз я говорила о Рафаэле Мендоне, и ты просто... ну, ты ушел. – Натали прочистила горло. – Кажется, тебе было неловко.

Вместо игривого выражение лица Джулиана стало болезненным.

– Прости, если заставил тебя стыдиться. Я не хотел. Просто... думал о других вещах. Глупостях, которые мешают. Но то, что ты сказала... твоя страсть к... книгам. Мне это понравилось.

Натали почувствовала, как в животе разливается тепло от его взгляда.

– Несмотря на это, меня часто заносит. Я в курсе.

Джулиан постучал пальцами по столу.

– Ладно, признаюсь, у меня есть скрытые мотивы расспрашивать тебя о Венеции.

– О?

– Я хочу услышать, как ты рассказываешь о чем-то так же, как говорила о любимом авторе.

Натали сглотнула.

– Правда?

– Однажды мама сказала, что можно увидеть душу человека, когда он говорит о месте на земле, которое имеет для него самое большое значение. Какой бы ни была причина, побывал ли он там или нет.

На душе у Натали стало еще теплее.

– Значит, ты только что задал мне очень личный вопрос,

не так ли?

– Да, наверное, так.

– Ладно. – Она положила подбородок на ладонь, на губах заиграла улыбка. – Ты первый.

Он со смешком откинулся на стуле.

– Ну что ж, это справедливо.

– Я тоже так считаю.

– Риека, Хорватия, – через мгновение ответил он. – Северный портовый город, где родился мой отец. Он работал на верфи, прежде чем приехать в Америку. Я никогда там не бывал, но всегда хотел. Чувствую, что мне нужно туда. Он бросил нас с матерью, когда мне было три, а потом вернулся, когда мне исполнилось десять, и месяц спустя умер.

Натали тяжело сглотнула.

– Мне очень жаль. Я не знала...

– Откуда тебе было знать? – мягко укорил он, а потом обратил взгляд невероятных голубых глаз на окно. – Мне всегда казалось, что из-за его отсутствия мне не хватает кусочка себя. Больше, чем кусочка. На самом деле я не понимаю половину себя, своей крови и своей истории. Думаю, если бы я съездил в Риеку, то нашел бы эти недостающие части или хотя бы остатки его духа и, возможно, тогда бы заполнил дыры.

– А почему ты не поедешь? – тихо спросила она.

– Потому что боюсь того, что найду.

В этот раз на них опустилась густая тишина, абсолютная,

но не неприятная. Натали не встречала еще человека, который бы говорил так, как Джулиан, который вот так бы думал о мире. У нее внезапно возникло непреодолимое желание прочитать то, что он писал.

– Твоя очередь, – заявил Джулиан.

– Да, моя очередь, – согласилась Натали и тяжело вздохнула. – Мне хочется побывать в Венеции, потому однажды в книге о путешествиях я увидела фотографию Гранд-канала. Снимок сделали на закате, и вода была просто поразительного голубого цвета. Голубого как... – Она взглянула в глаза внимательно наблюдающего за ней парня и прочистила горло. – О, ну, потрясающего цвета. Лампы ресторанов и кафе вдоль канала отбрасывали золотистый свет по краям. А посередине находилось несколько гондол, и на передней части каждой из них горел фонарик. Управляющие ими гондольеры были одеты в черно-белые полосатые костюмы и в каждой лодке находились обнимающиеся пары. В гондоле на переднем плане сидели двое мужчин, один играл на аккордеоне, а другой держал скрипку под подбородком. При этом рот гондольера был открыт, и я поняла, что он поет. Казалось, действительно играет музыка, я ощущаю теплый ветерок и запах воды, слышу голос мужчины... это было прекрасно. Теперь мне хочется отправиться туда и самой увидеть эту красоту в окружении истории и искусства. Думаю, это было бы...

– Божественно? – подсказал Джулиан.

– Да, точно. – Натали выдохнула и вытерла глаза. – Те-

бе нужно знать обо мне кое-что еще: я очень легко начинаю плакать, и это смущает, но ничего не могу с этим поделать.

Улыбка Джулиана выглядела одновременно и тоскливой, и успокаивающей.

– А еще моя мама говорила, что слезы текут, когда душа переживает такие сильные эмоции, что тело не в силах с ними справиться.

– Ну, если так, то тогда мне приятно, – произнесла Натали. – А я всегда испытывала только стыд. – Она прочистила горло. – Очевидно, у твоей мамы душа поэта.

– Была. – Джулиан покосился на часы на стене. – Время закрытия. Я провожу тебя домой.

Он подождал, пока девушка закроет кофейню, а потом – пока она отпирала ворота в подъезд.

– Спокойной ночи, Натали. Увидимся завтра.

– Спокойной ночи, Джулиан.

Натали медлила столько, на сколько осмелилась, но, когда он ничего не предпринял, скользнула в темный проход и просто наблюдала, как Джулиан уходит.

Глава 7

Октябрь и тянулся, и мчался на всей скорости. Когда Джулиан не являлся в кофейню, время ползло невероятно медленно. Обычно он приходил, писал и разговаривал с ней, а потом пропадал на несколько дней, и Натали не видела причины такого расписания, помимо желания помучить ее своим отсутствием.

Маршалл и Либерти умоляли ее посетить с ними «грандиозную» вечеринку на Станьян-стрит в ночь Хеллоуина. Она отказалась и пришла в ужас, когда они нагрянули в кофейню в тот вечер.

Маршалл оделся как Гомес Аддамс, а Либерти – как Мартиша. Подруга сама сшила костюмы и нанесла макияж. Натали решила, что они вполне могли бы занять первое место

в конкурсе костюмов. Друзья не скрывали, что ищут Джулиана. Оба бесцеремонно рассматривали каждого посетителя, гадая, кто из молодых завсегдатаев может им оказаться. Джулиан опаздывал. Или вовсе не собирался сегодня приходить. Натали надеялась на первый вариант: пусть бы он появился в идеальное время, когда Маршалл и Либерти уже уйдут.

– Ну? – Либерти перебросила локон искусственных черных волос через плечо. – Где он?

– Не здесь, – пожала плечами Натали.

– Не здесь, – повторил Маршалл. – Значит, его *нет*, чтобы *не* пригласить тебя на нормальное свидание. Следовательно, ты можешь встретиться с нами, когда закончишь с работой.

Не найдясь с ответом, Натали начала вытирать стойку тряпкой. Решение рассказать друзьям о Джулиане сейчас казалось ей колоссальной ошибкой. Маршалл был прав: парень не приглашал ее никуда за пределами кофейни, не делал никаких романтических жестов. И все же он проявлял к девушке внимание, относился к ней с теплотой. Вечера, когда он посещал кофейню, были наполнены интересными разговорами, а каждое мгновение возле ворот ее подъезда – возможностями. *Сегодня* молодой человек пригласит ее на ужин, или в кино, или, возможно... что-то большее. Однако он этого не делал, а Натали оказывалась слишком скована собственной застенчивостью и просто пропускала эти моменты. Джулиан желал спокойной ночи, а она закрывала за собой дверь и оставалась наедине с темной, пустой лестницей, пустой квар-

тирой и холодной постелью.

– Я не в настроении, – отмахнулась Натали.

На лице Либерти под слоями черного карандаша и белой краски отразилось сочувствие.

– Милая, пойдем с нами.

– Я не могу бросить все. Я работаю.

– Ты же заканчиваешь в одиннадцать, так? Учитывая масштабы вечеринки, явишься как раз вовремя. Давай. Будешь нашей маленькой Уэнсдей. У тебя как раз большие грустные глаза. – Либерти широко улыбнулась и выбрала новую стратегию. – Ты познакомишься с новыми людьми! Забудь на время про этого Джулиана. Очевидно, тебе это не мешает.

– Нет, идите. Я приму ванну и посплю.

– Уверена? Алкоголь может поменять точку зрения.

– Я не хочу напиваться, – заявила Натали.

– Почему? Боишься, что позвонишь ему в пьяном состоянии?

– Нет, я не могу. Я...

– Что?

– Ничего.

Краем глаза Натали заметила, как друзья обменялись шокированными взглядами.

– У тебя нет его номера телефона, да?

Она вытерла пятнышко воды со стойки.

– Девочка, забудь об этом уродце, – воскликнула Либерти. – Он или настоящий затворник, или водит тебя за нос. В

любом случае, он не хороший.

– Не хороший? – Натали сжала тряпку в руке. – Как ты вообще можешь?.. Он лучше, чем хороший. Он прекрасный. Ты понятия не имеешь. То есть... существуют этапы между тем, чтобы встретиться с парнем, и... и переспать с ним.

– Но их не настолько много, – пробормотал Маршалл.

Либерти скрестила руки на груди, отчего взметнулись и опустились рваные черные рукава ее платья.

– Ты обманываешь себя по поводу того, что никогда не случится, и я не считаю это нормальным.

Натали посмотрела подруге в глаза и постаралась не отворачиваться.

– Забавно. Но, видишь ли, то же самое можно сказать и о тебе.

Либерти покраснела.

– Эй, дамы, – вмешался Маршалл, – поцелуйтесь и помиритесь, прежде чем выпустите настоящие когти и кто-то пострадает. А точнее, я.

– Давай, – Либерти потянула его за руку, – пойдём отсюда.

Маршалл умоляюще посмотрел на Натали, но та просто покачала головой. Он позволил Либерти вытащить себя из кофейни, на прощание прошептав одними губами: «Я тебе позвоню».

Натали смотрела им вслед, ее руки дрожали, а глаза жгли слезы. Она обслуживала клиентов и ждала прихода Джулиана. Однако он так и не появился.

Джулиан не показывался уже несколько дней. Натали хотелось сердиться, но она напоминала себе, что сердиться не на что. Парень ничего ей не должен. Он волен приходить и уходить, когда пожелает, и объяснять что-то не обязан. В конце концов, несмотря на общение на личные темы, он всего лишь клиент.

С подружкой она помирилась, как только та отошла от похмелья после Хеллоуина. И теперь Натали гадала, была ли все-таки Либерти права. Возможно, Джулиан уже с кем-то встречался. Или просто играл с ней. Натали не верилось ни в одно, ни в другое, ведь он никогда не упоминал о другой девушке или парне в своей жизни и вроде бы наслаждался ее компанией. Только вот даже *друзья* обменивались номерами и общались вне работы. Возможно, их с Джулианом даже так назвать нельзя было.

Она проклинала свою слабость. *«Героини Джейн Остен, и те гораздо прогрессивнее тебя, – думала она. – Прояви инициативу!»*

Медленно тянулся очередной скучный вечер. Натали по

обыкновенно читала за стойкой, когда вернулся Джулиан. Как и всегда, он был идеально одет: шерстяное пальто поверх черного кашемирового свитера и стильные джинсы. Девушка не желала доставать его, но все же внести какую-то ясность уже пришла пора.

Однако, вместо того чтобы усадить парня и серьезно поговорить о том, что между ними происходит – если что-то вообще происходит, – Натали ничего не сделала. В итоге вечер шел как обычно. Джулиан пару часов яростно писал, а потом они вместе пили кофе, болтая обо всем на свете, кроме них самих.

Впервые Натали испугалась, что «их» вообще не было.

Глава 8

Пятнадцатого ноября Натали пришла в кофейню немного раньше начала смены. Нико сидел за столиком, смеялся и громко болтал с посетителем. Она подождала, переминаясь с ноги на ногу и постукивая ногтями по зубам, пока он не закончил.

– Наталия! Какая молодец! – Нико обхватил ее лицо тонкими грубыми руками и игриво встряхнул. – Можно мне улизнуть пораньше, чтобы купить Петре букет цветов? Она говорит, что я совсем не романтичен. Пфф! Я пойду, ладно?

– Ага... эээ, да. Как только согласишься на мою просьбу. – Улыбка на ее лице была настолько застывшей, что девушка практически чувствовала, как та соскальзывает.

– О-оу. – Восторг Нико поугас, и он скрестил руки на груди поверх передника. – У тебя опять это выражение лица. Оно появляется, когда ты не хочешь, чтобы я переживал. И знаешь, что? Я, наоборот, переживаю.

– Не нужно.

Нико потер подбородок.

– Ммм. Ну? И какова просьба? Работать от восхода до заката? Пока не свалишься от усталости? А? Ты этого хочешь?

– Да, – ответила Натали. – Из-за Дня благодарения у меня четыре выходных в университете и почти целый месяц декабря.

– Наталия...

– Я возьму столько двойных смен, сколько ты позволишь. Пусть Сильвия и Марго берут столько выходных, сколько захотят. А ты можешь отвезти Петру в романтическое путешествие и доказать, что она неправа.

Нико вздохнул.

– Я знаю, что праздники даются тебе тяжело, но Наталия...

– Просто скажи «да», Нико. Пожалуйста.

– А может, я не хочу говорить «да»? Может, я хочу, чтобы ты провела Рождество с нами. И День благодарения тоже. Давай! В греческом стиле! Мы приготовим домашнюю спа-

накопиту¹¹, немного пайдакии¹² – она отлично получается на гриле – и дзадзики¹³ вместо начинки. Все твои друзья обзавидуются.

Натали приготовилась сопротивляться его щедрости, скрестив руки на груди и глядя на мужчину холодным немигающим взглядом, но почувствовала, что наклоняется к нему, желая погрузиться в теплые отеческие объятия. Нельзя было это допустить. Она начнет плакать и не сможет остановиться, и в итоге Нико опоздает на свидание со своей прекрасной женой.

В итоге шеф сдался.

– Ладно, ты победила. Я попрошу Петру подготовить описание и выставить его на следующей неделе.

– Спасибо, Нико, – произнесла Натали, но добрый мужчина нежно взял ее за подбородок и наклонил голову.

– Для тебя, Наталия, я делаю это в последний раз. В следующем году ты ужинаешь с друзьями или с нами. И на Рождество тоже. – Он грустно улыбнулся. – Боль в твоём сердце сидит так долго, девочка моя, потому что ты слишком крепко за нее цепляешься.

¹¹ Спанакопита – греческий несладкий пирог со шпинатом и белым рассольным сыром, обычно фетой.

¹² Пайдакия – бараньи ребрышки, жаренные на гриле и приправленные лимонным соком.

¹³ Дзадзики – традиционный холодный соус из натурального йогурта, огурца, оливкового масла и чеснока. Рецепт обогащают с помощью добавления различных трав, зелени, специй, лимонной цедры, мелко измельченного лука.

Нико отпустил ее подбородок, похлопал по щеке и оставил стоять за кассой. Когда подошел клиент, она подпрыгнула, нечаянно уронила его заказ и пролила кофе, который стоял на стойке.

По прошествии четырех лет Натали считала, что научилась справляться с праздниками. Во всяком случае, настолько, насколько этого можно было ожидать. День благодарения не представлял сложностей. Только один день, и, как правило, он праздновался за закрытыми дверьми. Натали работала с восьми утра до восьми вечера. Нико отказывался давать ей обычную смену, если она настаивала на работе в день, и просто пораньше закрывал кофейню.

Посетителей было мало. Ее в равной степени и огорчил, и заставил испытать облегчение факт, что Джулиан так и не появился. Девушка гадала, где он, с кем ужинает. С родными? Возлюбленной? Один?

Натали закрыла кофейню и поднялась к себе, где разогрела ужин. Ей звонили и Либерти, и Маршалл. Они оставили осторожные послания на автоответчике, которые девуш-

ка стерла, едва дослушав. На своем крошечном телевизоре она посмотрела «Загадочное убийство в Манхэттене», а когда фильм подошел к концу, взяла сборник стихов Мендона «Звездный свет». Натали немного всплакнула – но не сильно – и отправилась спать. В итоге она решила, что День благодарения прошел хорошо.

Однако с Рождеством и Ханукой дело обстояло куда хуже. Хотя бы потому, что они были неотвратимы. Телевизионные рекламы бередили ее раны, постоянно транслируя встречи с родственниками, или безумные, или сентиментальные. Натали выключила телевизор и не включала весь декабрь. В университете начались немилосердные каникулы, и она работала шесть двойных смен в неделю. На три больше, чем Нико обещал ей дать. Часы накапливались, и день сменял другой. Джулиан продолжал бывать три-четыре вечера в неделю. Натали так и не призналась, что проводит на работе целый день и проведет там и следующий. Она никогда не показывала, насколько ей сложно выбраться из этого тоннеля в безобидный свет Нового года.

Однажды они сидели вместе под бумажными снежинками, которые вырезали бариста. Бумага колыхалась в мягких потоках воздуха. Джулиан отметил, какой уставшей выглядит Натали.

– День был сложный, – объяснила она.

– Да, это время года может измотать, – согласился он. –

Приближается Рождество. Или... Ханука?

– Оба, – произнесла Натали, и у нее внутри все сжалось. – Ханука от мамы, Рождество от папы.

– Ты скоро уедешь? Навестить их?

Ну вот. Она откинулась на стуле, размышляя, как бы уйти от вопроса. И неожиданно даже для себя самой выпалила:

– Их больше нет.

Натали наблюдала за его лицом, пока Джулиан делал те же неизбежные выводы, что и другие: праздники, семьи нет, значит, девушка одна. Она приготовилась услышать очередные сожаления.

– Вчера утром я проходил мимо и видел тебя за стойкой, – вместо этого сообщил молодой человек.

– Нико нужна помощь, а мне деньги. – Джулиан промолчал, водя пальцем по краю чашки. – Не нужно меня жалеть, – попросила Натали. – Это случилось давным-давно, и я не хочу об этом говорить.

Парень встретился с ней взглядом.

– Мне знакомо это чувство.

– Какое именно? – спросила она. – Их так много, что я не представляю, с чего начать.

– Все они. Несомненно, они разных тонов и оттенков, но я просто поражен, сколько в наших судьбах похожих событий.

Снова между ними повисла пауза.

– Мои родители мертвы. Авария. Четыре года назад, – слетело с ее губ, словно автоматная очередь. Она широко распахнула глаза и впиалась в Джулиана взглядом, словно бросая

вызов. Тот его принял.

– Отец умер, как я и упоминал, когда мне было десять. Мама – восемь лет спустя. Сердечный приступ и рак. Один быстро, как молния, другая медленно, словно от немило-сердного яда.

– Мои умерли быстро, как молния, – едва слышно прошептала Натали. – И что из этого легче?

Парень склонил голову и грустно улыбнулся.

– А ты как думаешь?

– Ничто.

Он кивнул.

– Прости. – Натали вытерла щеки.

– И ты меня.

Они молча сидели под свисающими с потолка снежинками, лениво кружащимися, но не падающими.

Нико настоял на закрытии кофейни в Рождество, но семья Барбос уехала на праздники во Флориду, а у Натали имелся ключ. Она не отметила свою карточку, но открылась в восемь утра и к полудню обслужила троих посетителей. Всех

поразило, что им повезло найти открытое заведение. Потом в течение нескольких часов никто не заглядывал, и Натали начала впадать в уныние. Чтение не отвлекало ее, выпечка и кофе казались стылыми и невкусными. Глупо было оставаться, но возвращаться в пустую квартиру ей тоже не хотелось. Слишком сложно было пережить тишину.

– Я скучаю по ним, – сообщила она пустому залу и постаралась взять себя в руки.

В два часа раздался звонок над дверью. Девушка чуть не выронила книгу, когда в зал шагнул Джулиан.

– Я думал, у вас будет закрыто, – начал он. – А потом догадался, что нет.

До этого Натали едва выносила тишину, поэтому его голос звучал музыкой, а красота походила на яркую картину после разглядывания серых стен. Девушка храбро боролась со слезами облегчения, грозившими пролиться из глаз.

– Что ты тут делаешь?

– Я проходил мимо твоей квартиры. Подумал, может, ты захочешь посидеть где-нибудь со мной. Не знаю, что сейчас открыто. – Джулиан одарил девушку застенчивой улыбкой, против которой она не могла устоять. – Я плохо все продумал.

«Это случилось. Наконец-то произошло», – возликовала Натали. Она глубоко вздохнула, и узел боли в груди развязался из-за чистой радости при виде Джулиана.

– Я рада, что ты пришел.

– Как и я.

Уборки особо не требовалось, поэтому пять минут спустя Натали выключила свет и заперла кофейню. Надела пальто, и они вместе с Джулианом вышли на улицу.

Девушка набрала полные легкие воздуха, ощущая себя так, словно только что из душного контейнера вышла в огромный мир. Прохладный ветерок снаружи приятно освежал.

– Итак? – Она широко улыбнулась. – Я не против выбрать-ся из этого района. Готов на холоде ждать автобус?

– Можно, конечно, подождать автобус, – отозвался Джулиан. – Или просто воспользоваться моей машиной.

У тротуара стоял припаркованный черный блестящий «Мерседес».

– Это твой? – поинтересовалась Натали.

– Арендванный.

– О, ну тогда я не так впечатлена.

Парень рассмеялся.

– Я хочу, чтобы ты не впечатлилась, а согрелась.

Джулиан открыл ей дверь, и Натали нагнулась, чтобы сесть, а потом замерла.

– Подожди! Я кое-что забыла. Минутку.

Она нашла в сумочке ключи, открыла ворота и побежала домой. На кофейном столике лежала квадратная коробочка, завернутая в белую бумагу. Сверху находилась продолговатая коробочка поменьше, завернутая так же. Обе были пере-

вязаны красной лентой.

Натали потянулась к подаркам, но, взяв их в руки, засомневалась. Три черно-белые тетради она купила скорее ради шутки. Однако ручка из антикварной лавки обошлась ей недешево. Увидев эту ручку, девушка поняла, что не может уйти без нее. Та просто идеально подходила Джулиану.

А теперь внизу ее ждала роскошная машина, и тетради казались глупыми, а открытка... Девушка заглянула в нее. «С любовью, Натали», – было написано ее аккуратным почерком. Она прикусила губу. Слишком очевидно. Все неправильно. Джулиан даже не признался, о чем пишет, а она дарит ему тетради и ручки.

– Ничего другого у тебя все равно нет, – вслух произнесла Натали, и слова гулким эхом разнеслись по пустой квартире. Она убрала коробочку в сумку и сбежала вниз по лестнице.

Джулиан стоял на тротуаре, и дыхание клубами пара вырывалось из его рта.

– О боже, тебе следовало подождать в машине, – заволновалась она.

– И за кого ты меня принимаешь? – улыбнулся молодой человек и открыл ей пассажирскую дверь.

Устроившись на обтянутом мягкой кожей сиденье, Натали сквозь хлопок платья почувствовала исходящее от него тепло.

– Подогрев сидений? Ладно, я достаточно впечатлена.

Джулиан включил двигатель.

– Они скоро разогреются, – заявил он. – Я немного не подготовился. Ничего не запланировал...

– Знаешь, что? Вообще-то я голодная, – заметила Натали. – Не успела пообедать. А ты?

Джулиан в задумчивости постучал по рулю.

– Я знаю одно открытое заведение.

– Что угодно, лишь бы не кофейня.

Глава 9

Они ехали по пустым дорогам от Сансет-Дистрикт в сторону Финансового района. Натали вспомнила, что в одном из разговоров парень упоминал, что живет в этой части города. Наблюдая, как он ведет машину, она изо всех сил старалась подавить улыбку. *«Реклама автомобилей права, – подумалось ей. – Есть нечто сексуальное в том, как мужчина управляет автомобилем с механической коробкой передач».*

Вскоре они остановились под старомодной электрической вывеской с надписью «Тэдич Грилл».

– Тебе нравятся морепродукты? – поинтересовался Джулиан, отдавая ключи от машины служащему. – Кажется, ты как-то упоминала, что нравишься.

Натали рассмеялась.

– Ты же знаешь, что это так. Я помешана на трех вещах: чтении, счетах и палтусе на гриле. Именно в таком порядке.

Джулиан открыл ей входную дверь, и Натали поняла, что «Тэдич Грилл» – «приличный» ресторан. В таких отец обязательно напомнил бы ей, что нужно постелить салфетку на колени и не класть локти на стол. Они подошли к длинной узкой барной стойке. Бармен в белом смокинге полировал бокал, глядя на них так, словно они вторглись в его дом во время ужина.

– Ну? – спросил он. – Бар или столик?

– Столик, – ответил Джулиан.

Мужчина вздохнул, словно они заказали старую говядину, и достал два меню.

– Сюда.

– Ты с ним знаком? – прошептала Натали. – Кажется, мы его расстроили. Дело в празднике?..

– Не-а, – улыбнулся Джулиан, – он всегда такой.

Хмурый бармен провел их в тонуший в приятном полумраке зал ресторана. Вдоль стен стояли уютные столики, накрытые белыми скатертями. Воздух наполнял прекрасный аромат свежих морепродуктов и стейков. Человек десять посетителей вели приглушенные беседы.

Бармен с нескрываемым нетерпением ждал, пока Джулиан поможет Натали снять пальто и повесит его на спинку стула. Девушка решила, что ее лавандовое платье выглядит слишком просто, но на ее спутнике были темно-синие джин-

сы и серая рубашка с длинными рукавами. Правда, его вещи явно стоили гораздо дороже. Благо, никто из присутствующих особо не наряжался. Бармен передал им меню, что-то недовольно пробормотав, и вернулся на свое место.

– Какой ворчун, – рассмеялась Натали. – Мне это нравится. Он мне нравится. Подходит этому месту.

– И мне так кажется.

Смех замер на губах, когда девушка открыла меню и увидела цены. Пусть и не слишком высокие, но гораздо выше того, что она могла позволить себе. Она также отметила, что возле некоторых блюд вообще не стояли цены. Она словно наяву слышала уверенный голос матери: «Если приходится спрашивать, значит, ты не можешь себе этого позволить».

Появился официант. Он перечислил блюда дня, и Джулиан заказал бутылку «Каберне» из длинного списка старомодных французских названий. Когда официант вернулся, чтобы показать его, на этикетке стояла дата до холодной войны.

– Я думала, что с рыбой пьют белое вино, – заметила Натали. Она не была знатоком, но бутылка стоила, наверное, половину месячной аренды ее квартиры.

– Тебе не нравится белое вино, – возразил Джулиан. Сделав небольшой глоток, он кивнул. Официант налил вино в бокалы и удалился.

Натали коротко рассмеялась.

– Ах да. Все, что я рассказывала о своих предпочтениях, теперь играет свою роль.

Джулиан усмехнулся.

– Правда?

– Как бы еще я получила... – она повернула бутылку этикеткой к себе, – «Шато Грюо Лароз» сорок седьмого года?

– Настоящий преступный гений.

– Девушке нужно выпить.

Они снова рассмеялись, и тут официант вернулся, чтобы принять заказ. Джулиан заметил отчаяние на лице Натали.

– Давай я?

– Да, пожалуйста.

Он заказал закуски, первые блюда – аляскинский палтус для нее и красный снеппер для себя – и гарнир из слегка обжаренных грибов, пасты и спаржи на гриле.

– Пойдет? – спросил он.

– Пойдет, – кивнула Натали.

– Отлично, – подмигнул официант.

Поедая коктейль из данженесского краба, Джулиан спрашивал ее об университете.

– И как учеба? Уже закончила или еще есть время?

– Почти закончила, – ответила она. – Выпуск в июне.

– Поздравляю. А ты уже решила, что будешь делать со специализацией? Личные счета или... что еще? – Он рассмеялся. – Я сам ничего в этом не понимаю. За меня разбирается Дэвид.

– Дэвид? – переспросила Натали беззаботным тоном. – Ты раньше его не упоминал. – Пока она обмакивала кусок краба в растопленное масло в небольшой тарелочке, мысли понеслись вскачь. *«Маршалл был прав. Он гей. Он гей и его парня зовут Дэвид».*

– Дэвид мой хороший друг, а еще личный помощник. Он занимается моими финансами. Боюсь показаться бесполезным и избалованным, и вообще, мы говорили о тебе и твоём дипломе.

Натали поиграла с маленькой вилкой, а мимо, словно потерявший контроль поезд, пронеслись слова о деньгах. *«Что бы он ни писал, это его дело»*, – сказала она себе. Более того, ей было приятно увидеть парня таким, за столиком напротив, а не в «У Нико». Она подавила улыбку. Дэвид всего лишь личный помощник.

– Я еще не решила, – призналась Натали. – Необязательно выбирать тему до следующего семестра. Личные счета – слишком легко, а банковские инвестиции слишком...

– Беспощадно?

– Я собиралась сказать «безответственно». Это может прозвучать глупо – скорее всего, я не тот бизнес выбрала, –

но я не желаю сидеть и считать деньги других людей. Хотелось бы заниматься чем-то важным. Было бы неплохо работать на некоммерческую социально направленную компанию.

– Кажется, это благородное применение твоих талантов.

– Не уверена насчет благородного. Возможно, это огромная ошибка. Большая часть моих сокурсников продолжают учебу, чтобы стать менеджерами хедж-фондов¹⁴ или постараться пробиться в большие корпорации. – Она скривилась. – Симуляции и так близки к этому.

– Симуляции?

– Мы используем финансовые данные и нынешние экономические тренды, чтобы создать портфолио для воображаемых инвесторов. За семестр нужно показать прибыль и потери, подсчитать заработок, дивиденды и все остальное. Мне поручили большую бездушную корпорацию с жирным углеродным следом и отсутствием социального сознания. «Эллис-Интел», вот как она называется.

– «Эллис-Интел», – нахмурился Джулиан. – Кажется, Дэвид инвестировал в них от моего имени. Насколько они плохи?

– Ну, прямо сейчас у них проблемы из-за нарушений прав рабочих за океаном. Они чуть ли не собственноручно ис-

¹⁴ Хедж-фонд – инвестиционный фонд, ориентированный на максимизацию доходности при заданном риске или минимизацию рисков для заданной доходности.

портили реку в Венесуэле, и теперь ходят слухи, что станут партнерами какой-то крупной гидравлической компании из Оклахомы. – Она подождала, пока официант уберет тарелки из-под закусок. – С другой стороны, они зарабатывают деньги на дольщиках так, словно печатают их. Ты можешь потерять большую сумму, если решишь продать акции.

– Но, видимо, оно того стоит.

Натали начала отвечать, но тут в кармане Джулиана зазвонил телефон. Она поняла, что никогда раньше не видела, чтобы молодой человек отвечал на звонки.

– Прости, – произнес он и нажал кнопку, чтобы выключить звук. – Это, кстати, был Дэвид.

– А вдруг это важно?

– Он может оставить сообщение.

Официант вернулся с основными блюдами, и у Натали закружилась голова при виде потрясающего куска рыбы на тарелке.

– Я не ела палтуса с самой Мексики.

Джулиан вскинул бровь.

– Ты ведь говорила, что не путешествовала.

Натали слабо улыбнулась. Она не собиралась упоминать Мексику, слова сами сорвались с губ.

– Это было давно. Уже семь лет прошло. Пуэрто Валларта.

– С родителями? – мягко поинтересовался он.

– Да. – Она опустила взгляд на тарелку, охваченная воспоминаниями. – Мне было шестнадцать. Папа разрешил сде-

лать глоток своей маргариты, который в итоге превратился в «много маргариты», и потом я помню только, как каталась под столом и смеялась как сумасшедшая. А мама разозлилась. Она кричала на отца все мое первое похмелье. – Натали улыбнулась, а потом подняла взгляд и увидела, с какой нежностью Джулиан смотрит на нее. – Ну, как-то так, – продолжила она. – Выглядит потрясающе. Начнем?

– Да, но у меня остался еще один вопрос.

Девушка скрутила салфетку на коленях, готовясь. Очевидно, она выпила слишком много вина и потому так много говорит о родителях.

– Что такое?

– Почему бухгалтерское дело?

Натали заморгала.

– Что? Ты имеешь в виду, почему я выбрала нечто столь скучное?

– Нет, – возразил он. – Почему ты выбрала нечто настолько сложное и точное, когда сама такая живая и яркая?

От услышанного комплимента душу Натали окатило волной тепла.

– Я... я не...

– Да, ты такая. – Парень смотрел на нее так, что она сказала бы ему обо всем на свете.

– Это безопасное дело, – пояснила она, снова обретая дар речи. – Цифры не меняются. В смысле их можно переставлять, ими можно манипулировать, но четыре плюс четыре

всегда будет восемь. Понимаешь? Они лишены эмоций. После того как мои родители... ну, книги дают мне нужные эмоции. А профессию хочется такую, которая никогда не будет напоминать мне о том, что я не желаю вспоминать. – Она тяжело вздохнула. – В общем, таков длинный ответ. А короткий: мне это нравится. Вот так.

Улыбка Джулиана была грустной, теплой и яркой одновременно. Он поднял бокал с вином.

– За социально направленные некоммерческие организации, которым однажды повезет, когда месяцев через шесть ты войдешь в их двери.

Натали тоже подняла бокал, пытаясь найти подходящий тост для него. Однако не смогла придумать ничего, помимо того, что Джулиан невероятно красив. Хотя и об этом ей удалось умолчать.

Обед был превосходным, вино идеальным, а беседа перепрыгивала с одной простой темы на другую. После десерта Натали испытывала легкое опьянение и, прежде чем успела отговорить себя, запустила руку в сумочку.

– Счастливого Рождества, – сказала она. Кажется, Джулиана этот жест по-настоящему тронул. Он развернул открытку, и у нее свело желудок. – Сначала открой тот, что побольше, – посоветовала она, надеясь отвлечь его и всем сердцем жалея, что написала «с любовью, Натали» вместо «счастливого Рождества». Только вот уже было слишком поздно. Джулиан улыбнулся, читая надпись, и она сделала большой глоток воды.

Он открыл первый подарок и внимательно рассмотрел тетради.

– Я как раз думал, что мне не хватает парочки. Спасибо.

– Э, конечно, – промямлила она, наблюдая, как молодой человек открывает старинную перьевую ручку. Сердце билось уже где-то в горле.

Джулиан никак не прокомментировал, но осмотрел ее со всех сторон. Теплое дерево блестело, а оловянный кончик с изящными узорами в стиле ар-деко искрился на свету.

Натали прочистила горло.

– Продавец утверждал, будто она когда-то принадлежала Джону Стейнбеку, но я не уверена, что это правда.

– Красивая вещь, – произнес Джулиан. Его глаза в полумраке походили на синий бархат. – Она идеальна. Спасибо еще раз.

Натали с облегчением вздохнула, но уже через секунду ахнула, когда из кармана куртки он достал плоскую прямоугольную коробочку и молча протянул ей.

– Как будто этого недостаточно? – Она обвела рукой ресторан.

– Это нужно открыть.

Натали быстро схватила подарок, чтобы парень не заметил, как у нее дрожат руки. Аккуратно развернув обертку, она открыла коробочку. На черном бархате лежал небольшой мозаичный кулон. Ива из бледного нефрита раскачивалась над озером из ляписа лазури, а перламутр и гранат украшали края. Цепочка оказалась длинной и золотой. Из настоящего золота.

– Джулиан... – выдохнула она.

– Тебе нравится? – Он крутил в пальцах десертную вилку. – Я увидел его и решил, что он тебе подходит. Если не нравится, могу вернуть.

– Ох, молчи. – Натали надела украшение на шею. Кулон красиво смотрелся на ее блузке. – Он просто идеальный. Спасибо.

Джулиан начал улыбаться, но потом нахмурился.

– Там была открытка... – он поискал в кармане куртки, – уже немного поздно.

Вскинув брови, она протянула руку.

Парень усмехнулся и отдал открытку, отвернувшись, когда Натали начала читать.

Там было написано «Счастливого Рождества и Хануки», а при прочтении следующих слов девушка испытала новый прилив теплоты и нежности.

«С любовью, Джулиан».

Джулиан припарковался перед ее домом, выключил двигатель, а потом вцепился обеими руками в руль. Натали наклонилась к нему, разомлевшая от исходящего от кожаных сидений тепла и немного пьяная от вина. Прекрасно проведенный день придавал ей храбрости. Внезапно девушка представила, как в своей квартире стоит перед ним с одним лишь кулоном на шее. Кожа запылала от одной только мысли об этом. Она никогда раньше такого не испытывала, никогда раньше даже представить не могла такие чувства по отношению к кому-то другому. А сейчас даже ее врожденная застенчивость не могла помешать Натали взять его за руку.

Очевидно, это удивило Джулиана. Он повернулся на месте, чтобы посмотреть на девушку, взглянуть на свою руку в ее ладонях. Его глаза были полны тепла и тоски. Парень наклонился, и его близость пьянила сильнее любого вина. Запах его кожи и одеколona, сладость его дыхания... Натали наслаждалась даже ароматом его дорогой одежды, что пахла новизной и чистотой... А его глаза... голубые, словно тропи-

ческое море... девушка нырнула в них, погрузилась в неизведанные глубины.

– Натали...

– Да. – Она сонно улыбнулась, хотя пульс и ускорился. Девушка привыкла к тому, как Джулиан одновременно успокаивает и заводит ее.

– О боже, не смотри на меня так, – произнес он напряженным тоном.

– Как так?

– Соблазнительно.

– Никто раньше не называл меня соблазнительной.

– Быть такого не может, – хрипло ответил он и, не успела

Натали перевести дыхание, взял ее лицо в руки и поцеловал.

Девушка на миг порадовалась, что сидит. Казалось, она падает с огромной высоты. Голова кружилась, опьяненная этим первым поцелуем, о котором Натали мечтала уже много месяцев.

Его нежные губы ласкали ее губы, гладили их. Сначала она могла лишь откинуть голову назад и позволить молодому человеку делать все, что он пожелает. А потом его язык коснулся ее губ, мягко пытаясь проскользнуть между ними. Такое желанное вторжение. Натали приоткрыла рот, чтобы принять его, позволить исследовать себя, а потом ответила, погладив бархатную влагу его языка своим. «*О боже, как прекрасно*», – подумала она. На вкус Джулиан был как крем-брюле, которое они ели на десерт, дорогое вино, и под всем

этим скрывалась его собственная сладость.

С девичьих губ сорвался тихий стон. Она потянулась к Джулиану, желая почувствовать его, и зарылась пальцами в темные локоны. Они оказались такими же мягкими и шелковистыми, как она представляла. Парень подвинулся ближе, задев ее нижнюю губу зубами, прежде чем поцеловать. Их языки танцевали и гладили друг друга, пока Натали не потеряла ощущение времени и места. Осталось только это потрясающее чувство и нарастающее в ее теле желание.

Джулиан поерзал, в замкнутом пространстве машины пытаясь подобраться ближе. Короткий звук клаксона испугал их обоих, и они отстранились друг от друга. Натали нервно рассмеялась, пытаясь восстановить дыхание. Джулиан не поддержал ее смех.

Он огляделся, словно только проснулся, и положил руки на руль.

– Джулиан? – Натали потянулась к нему, но внезапно поняла, что не стоит этого делать.

– Я... – вцепившись в руль, он не смотрел на нее, – прости. Я не собирался ничего начинать, пока не...

Натали прикусила губу, продолжая чувствовать его прикосновение, но это ощущение постепенно угасало.

– Что такое?

– Мне нужно тебе кое-что рассказать.

Молодой человек явно колебался и переживал, хотя мгновение назад вместе с ней потерялся в поцелуе. Разве нет?

Натали села на свое место, готовясь и чувствуя, как быстро отступает желание.

– Ладно, – медленно произнесла она, – я слушаю.

– Нужно было сказать тебе раньше, – продолжил он, все еще глядя на пустую улицу за лобовым стеклом, – но я не знал как. Чтобы ты при этом не решила, что я псих или устраиваю какую-то невероятно жестокую шутку. Даже сейчас, боюсь, ты подумаешь все это обо мне и возненавидишь меня.

Сердце Натали глухо застучало в груди. Удовлетворение и чистая радость прекрасного дня вытекали из нее капля за каплей, оставляя холод в душе. Она ждала, когда парень продолжит, но тот молчал, и эта тишина стала просто невыносимой.

– Дело в том... ты встречаешься с кем-то еще? – предположила Натали. – О, не с кем-то еще, – быстро добавила она, покраснев. – Потому что ты и я... мы на самом деле не встречаемся. Да? В смысле... мы не... до сегодняшнего дня. – Руки дрожали, и она крепко стиснула их на коленях. – Мы просто разговариваем. Пять месяцев... то да, то нет, и наши беседы очень милые, даже больше, чем милые. Они невероятные. Но я только... я не уверена, что мы делаем.

– Это все моя вина. – Парень наконец повернулся, чтобы взглянуть на нее. На его лице читалась боль. – Все это. Моя вина. Я понимаю, что мое поведение, наверное, выглядит странным, но пожалуйста, поверь, на это есть причина.

Натали кивнула, хотя никогда раньше не ощущала себя настолько сбитой с толку. И настолько испуганной. Джулиан что, расстается с ней?

– О чем ты?

Джулиан мгновение удерживал ее взгляд, и в его глазах мелькали тысячи мыслей, оформляясь в слова... А потом он внезапно откинулся на сиденье.

– Это... ух, ну, сложно. Слишком сложно, чтобы обсуждать в машине. – Он прикрыл веки и покачал головой. – Все неправильно. Я все порчу. И в последнюю очередь мне хочется причинить тебе боль.

Пусть сердце и разобьется на миллион осколков, но Натали требовалось знать правду.

– Расскажи мне. Пожалуйста. Расскажи.

– Да, – проговорил он уже тверже. – Да, конечно. Мне нужно это сделать. И я сделаю. Но... не здесь. Давай поедем...

В кармане его куртки завибрировал телефон, и вскоре зазвучала настойчивая мелодия.

– Прости. – Джулиан достал мобильный. Взглянул на экран, нахмурился и нажал на кнопку. Звон прекратился, и он бросил айфон на приборную доску. – Что я там говорил? Уверен, ты ничего не понимаешь.

– Ты сказал, что нам нужно...

Снова раздался звонок, и парень потер лицо.

– *Maldita sea al infierno*¹⁵, – выругался он и взял телефон с приборной доски. – Опять Дэвид, не знаю, по какому поводу он звонит. – Он снова нажал на кнопку, а потом сдвинул крошечную пластинку сбоку. – Поставил на беззвучный, – пояснил Джулиан, но, прежде чем успел отложить телефон, тот завибрировал в его руке. Он снова выругался. – Натали, прости, позволь...

Парень поднес телефон к уху.

Натали откинулась на спинку сиденья, сжимая руки на коленях.

– Что? – вместо приветствия потребовал он и мгновение слушал ответ. Его красивое лицо исказило раздражение. – Что? С чего бы им думать?.. – Натали успела заметить, как он покосился на нее, а потом отвернулся и понизил голос. – Да, конечно, это мое дело. Нелепо.

У девушки засосало под ложечкой. Она не сомневалась, что Джулиан с помощником говорят о ней, поэтому быстро отвела взгляд на тихую улицу. Этот день был таким идеальным.

– Дай согласие, Дэвид, – явно рассердившись, рыкнул Джулиан в трубку. – Дай согласие.

Он повесил трубку и начал крутить в руках телефон.

– Натали, прости. Я не хотел, чтобы этот день так закончился, клянусь, – проговорил он напряженным тоном. При этом выражение его лица оставалось каменным.

¹⁵ Будь оно проклято! (*исп.*)

Она выдавила дрожащую улыбку.

– Все нормально. – Она коснулась пальцами дверной ручки. – Я понимаю, – добавила девушка, хотя ничего не могло быть дальше от правды.

– Нет, Натали, подожди...

– Мне нужно идти. – Она открыла дверь. – Возможно, мы еще не готовы... или я не знаю. Спасибо за прекрасный обед и... за все, – протараторила она, опасаясь, что слезы вот-вот брызнут из глаз, и буквально выскочила из машины. С трудом вставила ключи в калитку и исчезла за ней, не оглядываясь.

Наверху Натали с отрешенным видом осмотрела пустую квартиру. Она переживала, что переборщила, покинув машину, но не могла больше терпеть это давящее смятение. Не тогда, когда их с Джулианом отношения как будто начали развиваться, двигаться к чему-то большему. Его поцелуй, этот прекрасный поцелуй стал своего рода обещанием, что ее одиночество подошло к концу. А еще ярким и блестящим даром, раскачивающимся перед ее носом и исчезнувшим от одного-единственного прикосновения.

Внизу на улице раздался сердитый визг шин по асфальту и рев мощного двигателя, быстро удаляющегося и постепенно затихшего. Натали кончиками пальцев коснулась губ в том месте, где губы Джулиана нежно касались ее. А в голове вертелся один и тот же вопрос:

«Почему все пошло не так?»

Глава 10

Довольно улыбаясь, Дэвид Томпсон нажал на «завершить» и засунул мобильный в карман куртки. Он вышел из машины и поспешил к лифту, убирая развевающиеся каштановые волосы с лица. Шаги эхом разносились по бетонной пещере подземной парковки. Дэвид набрал код безопасности, который позволил лифту отвезти его вверх, мимо лобби, сразу в квартиру. На пятнадцатом этаже он набрал еще один код и вошел в пентхаус Джулиана Ковача. Холодный серый свет проникал в гостиную через огромные окна, из которых

открывался вид на город и бухту. Небо было свинцовым, и Дэвид зажег свет.

Квартира сияла чистотой. Была элегантной. Холодной. Все, как нравилось Дэvidу. Никаких следов праздника, которые уничтожили бы идеальную, стильную эстетику. Он аккуратно намекнул Джулиану, что незачем заморачиваться с нелепыми украшениями, если тот все равно будет один.

Однако Джулиан возразил, что поведет в ресторан ту девушку, Натали. У нее не было семьи, и Джулиан не хотел, чтобы она оставалась одна. *«А как же я? – подумал Дэвид. – Он – моя семья, моя настоящая семья. За шесть лет уже можно было это понять».* Только вот в последнее время все мысли Джулиана вращались исключительно вокруг Натали Хьюит.

Язва Дэвида снова дала о себе знать в тот августовский вечер, когда Джулиан поведал ему о кофейне в Сансет-Дистрикт и девушке за стойкой. По мнению Джулиана, он нашел идеальное место для написания новой книги, но явно был скорее заинтересован в самой девушке. Когда он начал посещать то заведение четыре-пять раз в неделю, кислотное жжение во внутренностях Дэвида стало еще сильнее. Такую же тревогу он испытывал, когда Джулиан впервые привел свою прошлую подружку, Саманту, домой.

Однако сейчас дело обстояло еще хуже.

Джулиан не говорил о Саманте с такой теплотой, как об этой Натали. Он не улыбался странно и забавно, часто не в

тему, на его лице не появлялась отстраненность. За последние несколько месяцев Дэвид изо всех сил старался уговорить друга не относиться к этому серьезно и вспомнить, какой катастрофой обернулась для него Саманта.

– Думаю, в этот раз все будет по-другому, – снова и снова повторял Джулиан мягким и радостным тоном, от которого Дэвид начинал нервничать.

А теперь Джулиан оказался на свидании с этой девушкой. И только факт, что для этого ему понадобилось почти пять месяцев, служил единственным утешением. Это и несвоевременный звонок. Или два. Небольшой триумф, но пришло время заняться серьезным делом.

Дэвид отправился в кабинет, находящийся в коридоре за кухней, и включил свет и компьютер. Он подумывал сварить кофе, но решил, что не задержится надолго, так что тот ему не понадобится. Для его настоящей цели Дэвиду понадобится всего одно мгновение. От одной этой мысли внутренности скрутило, как случилось и каждый из последних восьми месяцев. И снова ему пришлось подавить тошноту и напомнить себе, что нет другого способа уберечь Джулиана.

Другого способа не было.

Дэвид проверил панель сигнализации. Такая стояла в каждой комнате квартиры. Над клавиатурой располагались три огонька, два из которых сейчас были темными. Третий огонек горел оранжевым. Это значило, что система включена, но получивший авторизацию для себя человек уже в зда-

нии. Он загорался красным, если человек подходил к парадной двери, и зеленым, если у него имелся код. Никакие огни больше не горели, значит, Дэвид здесь один. Подойдя к компьютеру, он открыл банковский аккаунт и данные инвестиций, ввел логин и пароль. Он подтащил экраны друг к другу, и теперь перед его глазами оказались все их активы и полные суммы.

Среди ежемесячных расходов значилась сумма для погашения регулярных счетов и выплата ассоциации владельцев за пентхаус, которая сама по себе походила на ипотеку. Дэвид удаленно осуществил платежи и выписал чек для Эстер, уборщицы, которой, на его взгляд, Джулиан необоснованно много платил. А потом установил чистую таблицу на январь, оставив Джулиану кучу денег для текущих нужд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.